1 Сентября 1917 года.

ПЕНЗЕНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ три раза въ мѣсяцъ 1, 10, 20 чиселъ.

Цѣна годовому изданію Вѣдомостей съ пересылкою и доставкою 6 руб.

№ 19

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Временно управляющій Пензенской епархіею Преосвященный Григорій, Епископъ Краснослободскій, 17 августа выѣхалъ въ г. Москву для присутствованія на Всероссійскомъ Помѣстномъ Соборѣ и управленіе епархіей, за исключеніемъ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ, передалъ, согласно ст. 332 Уст. Дух. Конс. и п. 10 Положенія о Церковно-Епарх. Совѣтѣ, Епархіальному Совѣту совмѣстно съ Консисторіей, подъ предсѣдательствомъ протоіерея Николаевской церкви г. Пензы Леонида Кульметева.

Уволены: діаконъ церкви с. Большого Мичкаса, Н.-Лом. у., Іаковъ Сергіевскій—5 августа, за принятіемъ на службу въ Томскую епархію; протоіерей с. Фатуевки, Мокш. у., Михаилъ Перовскій—4 августа, согласно прошенію; діаконъ Н-Ломовскаго Успенскаго женскаго монастыря Валентинъ Бурдасовъ—6 августа, согласно прошенію.

Новое распредѣленіе приходовъ Инсарскаго уѣзда на благочиннические округа (согласно постановленію уѣзднаго съѣзда духовенства и мірянъ):

1 *округъ*: Соборная церковь, Рождественская, Троицкая, Вознесенская, Свято-Ольгинскій монастырь, Тюремная, ц.-с. Верхней Вязеры, с. Арбузовки, Адашева, Засѣчной Слободы, Козловки, Ямской Слободы, Потижскаго Острога, Потижской Слободы и Новлей.

2 *округъ*. Церкви—с. Нижней Вязеры, Сіалѣевской Пятины, Языковой Пятины, Хитрова, Рыскина (Шадыма), Кашаева, Трехсвятскаго, Липлейки, Старыхъ Верхисъ и Новыхъ Верхисъ.

3 *округъ*. Церкви—с. Никольской Пестровки, Знаменской Пестровки, Бутурлина, Любятина, Акщенаса, Ускляя, Кисловки, Иссы, Пятины, Починокъ, Симанки, Украинцева, Николаевки, Безстужева, Палаевки, Болдова, Ключищъ, Муравьевки, Русскаго Баймакова, Инсары, Спасскаго, Могиловки, Дмитріевки, Сипягина, Долгорукова, Костыляя и Знаменскаго женскаго монастыря.

4 *округъ*. Церкви—зашт. города Шишкѣева, Воскресенской Саловки, Подвернихи, Лемжи, Рязановки, Куликовки, Теризморги, Старо—Сивильскаго Майдана, Стараго Шайгова, Никольской Саловки, Новаго Сучкина, Шуваръ, Ногаева и Огарева.

5 *округъ*. Церкви—с. Пушкина, Стараго Пщенева, Новаго Пшенева, Глушкова, Паева, Старо-Корсаковскаго Майдана, Сіалѣевскаго Майдана, Маслова Майдана, Чекашевыхъ Полянокъ и Токмова.

6 *округъ*. Церкви—с. Ключарева, Сузгарья, Перхляй, Болотникова, Конопати, Олферьева, Бекетовки, Новаго Акши-

на, Стараго Акшина, Лемдяй, Рузаевки, Поселка Рузаевки, Тепловки и Пайгармскаго монастыря.

7 *округъ*. Церкви—с. Николаевки, Лемдяйскаго Майдана, Кулдыма, Новой Өедоровки, Вертелима, Старой Өедоровки, Мельцанъ, Шигони, Ингенеръ—Пятины, Ивановки и Ново-Троицкаго.

Пензенская Духовная Консисторія, вслѣдствіе указа Св. Синода, отъ 5 августа 1917 г. № 24, по вопросу о покрытіи перерасходовъ на заготовку дровъ для духовно-учебныхъ заведеній, предлагаетъ монастырскимъ начальствамъ оказывать всемѣрное содѣйствіе Цравленіямъ духовно-учебныхъ заведеній Пензенской епархіи въ заготовкѣ дровъ для сихъ заведеній, отпуская имъ по возможно пониженнымъ цѣнамъ изъ монастырскихъ лѣсныхъ дачъ за удовлетвореніемъ собственныхъ нуждъ.

Отъ Правленія духовной семинаріи.

Съ 1 сентября ничинаются занятія въ семинаріи съ воспитанниками 1, 4 и 6 классовъ и продолжаются до 22 октября. 22 октября, ни днемъ ранѣе, должны явиться для занятій воспитанники 2, 3 и 5 классовъ, которые и занимаются до Рождественскихъ каникулъ. Правленіе Семинаріи предполагаетъ всѣхъ желающихъ воспитанниковъ помѣстить въ общежитіи при Пензенскомъ духовномъ училищѣ и въ зданіи больницы при семинаріи. 1-й взносъ 70 р. Воспитанники, оставшіеся въ долгу общежитію или семинаріи, обязаны, если желаютъ быть помѣщенными въ общежитіи, немедленно уплатить весь свой долгъ. Правленіе семинаріи *предлагаетъ* родителямъ учащихся *доставлять*, какія только могутъ, продукты (не таксированные)—масло, горохъ, грибы сушеные и т. п. Продукты будутъ приниматься по городскимъ цѣнамъ и заноситьсь въ лицевой счетъ воспитанника.

Отъ Редакціоннаго Комитета.

Согласно постановленію съѣзда духовенства и міряпъ, бывшаго 8—13 Августа с/г., цѣна на изданіе „Епарх. Вѣд.“ поднята на 2 руб. до конца года. Редакціонный Комитетъ покорнѣйше проситъ подписчиковъ поспѣшить внести эту дополнительную плату. Равнымъ образомъ, тѣхъ, кто не внесъ еще и прежней платы за 1917 г. (6 р.), Ред. Комитетъ проситъ поспѣшить это сдѣлать. „Вѣдомости“, согласно существующимъ постановленіямъ, высылаются *во всѣ* приходы. При представленіи денегъ необходимо сообщать точный адресъ, такъ какъ точныхъ адресовъ въ редакціи нѣтъ.

Пензенская Епархіальная Типографія въ домѣ Соломонова.

1 Сентября 1917 года.

ПЕНЗЕНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ
ВѢДОМОСТИ.
№ 19.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

О современномъ положеніи духовенства Православной Церкви.

Если юридическое, правовое положеніе православнаго духовенства, изгоняемаго изъ приходовъ, часто лишаемаго куска хлѣба, должно признать очень тяжелымъ, то и общественное положеніе его нужно признать очень печальнымъ, а вслѣдствіе этого и самочувствіе его—очень тягостнымъ. Отношеніе общества къ духовенству обычно тѣсно связано съ отношеніемъ общества къ религіи, которой служитъ духовенство, и наоборотъ: опредѣленное, дурное или хорошее. отношеніе къ духовенству переносится на религію. Не будемъ догадываться, къ чему первоначально въ переживаемый нами моментъ общество выразило отрицательное отношеніе,—не все конечно, а лишь извѣстные его элементы,—къ

духовенству или религіи. Остановимъ вниманіе лишь на фактахъ. Въ Петроградѣ въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ юмористическіе листки въ иллюстраціяхъ изощряли свое остроуміе надъ духовенствомъ. Каррикатуры, тамъ появлявшіяся, были такого сорта и характера, что далеко выходили за рамки сатиры на лицъ и скорѣе всего могли быть поняты, какъ глумленіе надъ религіей. Такъ и поняла дѣло часть публики въ Одессѣ, когда въ ея руки попали иллюстраціи изъ Петрограда. Иллюстраціи были истреблены, и публика потребовала, чтобъ онѣ не доставлялись больше въ Одессу. Можетъ быть, онѣ и не доставлялись болѣе сюда, можетъ быть, онѣ стали болѣе сдержанными, но глумленіе надъ духовенствомъ и религіей все равно не прекратилось. Этимъ „благодарнымъ" развлеченіемъ занялись кинематографы. Мы не знаемъ, конечно, вѣроисповѣдного состава содержателей кинематографовъ, не знаемъ ихъ религіозныхъ убѣжденій, да для насъ это и не важно. Важенъ вотъ какой фактъ. Въ жизни Мухаммеда, разныхъ другихъ религіозныхъ дѣятелей не все благополучно, напротивъ, есть смѣшныя и позорныя страницы. Муллы, раввины, шаманы и проч. далеко, конечно, не образцы добродѣтели. А что-то не слышно, чтобъ пикантныя и позорныя страницы жизни и быта религіозныхъ дѣятелей иныхъ религій, жизни и быта инославнаго духовенства служили сюжетами кинематографическихъ представленій. Нѣтъ, подвергаются осмѣянію и глумленію православное духовенство и—христіанство вообще. Дѣло дошло до того, что на лентѣ кинематографа стала развертываться жизнь Господа І. Христа. Конечно, содержатели кинематографовъ, потѣшающіе въ настоящее время зрителей всякими порнографическими и сенсаціонными, развращающими умъ и душу, картинками, передавая на экранѣ жизнь Господа, вовсе не хотѣли дать публикѣ наглядныхъ уроковъ Закона Божія. Отнюдь нѣтъ! Такъ это и поня-

ло министерство внутреннихъ дѣлъ, когда недавнимъ циркуляромъ воспретило допущеніе въ кинематографахъ кощунственныхъ, оскорбляющихъ религіозное чувство вѣрующихъ изображеній. Значитъ, кому-то показалось нужнымъ и полезнымъ въ наше свободное отъ всякихъ стѣсненій время поглумиться надъ христіанствомъ и православнымъ духовенствомъ. Впрочемъ, можетъ быть, здѣсь сказалась наша русская національная особенность—оплевывать, не задумываясь, все свое, родное—хорошее и дурное и раболѣпно преклоняться предъ чужимъ, часто далеко не лучшимъ. Какъ бы тамъ ни было, отъ какой бы причины ни происходило глумленіе надъ христіанствомъ и православнымъ духовенствомъ, но фактъ остается фактомъ. Это глумленіе, словесное или посредствомъ картинокъ, иногда переходило и въ дѣло: были случаи прямого, даже дикаго издѣвательства надъ христіанскими святынями, напр., мощами, горѣли храмы, видимо, намѣренно подожженые.

Конечно, глумленіе это совершалось большею частію въ городахъ, но кое-что проникало и въ деревню и устнымъ и письменнымъ путемъ и здѣсь, благодаря некультурности народа, могло принимать порою очень извращенныя формы. Прибавьте къ этому еще извѣстную часть современной брошюрочной литературы. Опять—таки не будемъ догадываться, кому и зачѣмъ нужно истреблять религіозныя убѣжденія изъ вѣрующей души. Политическія партіи великодушно объявили религію частнымъ дѣломъ каждаго человѣка, которому въ этомъ отношеніи нужно предоставить полную свободу. И все-таки для многихъ, повидимому, представляетъ наслажденіе плюнуть въ это святое-святыхъ человѣческой души, обозвать религіозныя убѣжденія своего ближняго суевѣріемъ, заблужденіемъ, „дѣтскими сказками“ и посмотрѣть, какъ опустошенная человѣческая душа мучится, лишившись своего святого достоянія, и какъ она неизбѣжно впадаетъ въ эксцессы,

потерявъ основное, направляющее начало жизни. И во имя чего объявляется религія суевѣріемъ и заблужденіемъ? Во имя науки? Всего менѣе составители брошюръ знакомы съ наукой. Смѣшно иногда видѣть, какъ они повторяютъ старыя, избитыя мнѣнія, давнымъ-давно сданныя наукой въ архивъ, какъ памятникъ пережитыхъ заблужденій. И всетаки повторяютъ, повторяютъ иногда настойчиво, разсчитывая, можетъ быть, что читатель ни съ какой стороны не приходится сродни наукѣ. А эти сужденія, странныя, дѣтскія, подчасъ невѣжественныя производятъ свое дѣйствіе на душу малокультурнаго, но религіознаго человѣка. Они сѣютъ въ ней сомнѣніе, разладъ, а иногда и опустошаютъ ее.

Что должно думать, что должно чувствовать духовенство, видя и слыша глумленіе надъ христіанствомъ и надъ нимъ самимъ? Продавляющее большинство духовенства, особенно священники, съ дѣтства выросли въ сферѣ религіозныхъ мыслей, религіозныхъ чувствъ и переживаній, религіозныхъ обрядовъ и богослужебныхъ дѣйствій. Въ раннемъ далекомъ дѣтствѣ его учили молиться, водили въ храмъ, нерѣдко побуждали принимать участіе въ богослуженіи. Подросткомъ его отдали въ школу, гдѣ опять-таки его окружала та же религіозная стихія и онъ провелъ здѣсь цѣлыхъ десять лѣтъ своей жизни. По окончаніи школы оно стало служить тому, въ чемъ жило съ дѣтства, чему училось, съ чѣмъ сроднилось и сжилось. А служба, которую оно взяло на себя, тяжелая и отвѣтственная, не обѣщающая ни славы, ни почестей, ни богатства, дающая очень часто лишь сносное, а иногда и полуголодное существованіе,—служба, соединенная съ унизительными условіями сбирать для своего существованія гроши съ полунищаго народа, всегда озлобленнаго тѣмъ, что съ него берутъ всѣ и за все, а никто ему почти ничего не даетъ. Нести такую службу уже до извѣст-

ной степени подвигъ, а нести ее съ сознаніемъ ея высоты и святости-уже великій подвигъ. И духовенство несло и несетъ эту службу въ теченіе многихъ лѣтъ; срослось, сжилось съ ней, его мысли, чувства и желанія привязаны къ ней. Конечно, духовенство—живой человѣкъ; оно думаетъ, заботится и о матеріальномъ, заботится и часто мучительно задумывается о своихъ близкихъ, о своемъ семействѣ. Но кто же изъ живыхъ людей объ этомъ не думаетъ, не заботится? Заботятся всѣ и въ томъ же повинно и духовенство. А всетаки оно дѣлаетъ высокое, Божье дѣло, оно служитъ самому главному, что „едино не потребу" людямъ и въ часъ смерти увѣрено, что жизнь его прошла не безполезно.

А тутъ то дѣло, которому оно служитъ, съ которымъ сжилось съ дѣтства, кто то объявляетъ пустымъ, негоднымъ дѣломъ, даже больше—направленнымъ ко вреду людей, религію, которая составляетъ душу этого дѣла, религіозныя убѣжденія, которыя составляютъ суть его собственной души, объявляетъ суевѣріемъ, заблужденіемъ; стремятся пресѣчь возможность распространять религію, стѣсняя или прямо выгоняя ея изученіе изъ школы; надъ нимъ самимъ глумятся, стараются выставить его посмѣшищемъ для всѣхъ, вредными людьми, чуть—ли не „сосущими кровь" изъ народа, обирающими народъ въ интересахъ своего личнаго благополучія! Вотъ ужъ, поистинѣ, обвиненія не по адресу: „про взятки Климычу читаютъ, а онъ украдкою киваетъ на Петра"... Въ то время, когда спекуляція старается до-гола раздѣть весь русскій народъ, когда разные проходимцы, идущіе подъ флагомъ народныхъ печальниковъ, вплотную присасываются къ народнымъ деньгамъ и рвутъ громадное куши въ видѣ всякихъ окладовъ и пособій, когда городъ стремится обобрать деревню, а деревня уморить съ голоду городъ, продавая каждую щепотку муки, каждое яйцо чуть—ли не на вѣсь золо-

та, самое время считать гроши въ карманѣ духовенства, говорить о его поборахъ съ народа, называть его трудъ легкимъ, ничего не стоющимъ, когда городской рабочій да и каждый крестьянинъ за каждый плевокъ, за малѣйшее движеніе пальцемъ требуетъ себѣ вознагражденія рублями и разучивается считать на копѣйки.

Что же должно думать, что должно чувствовать духовенство, слыша и видя глумленіе надъ собой и религіей, слыша, что его, духовенство, считаютъ врагомъ народа? Чувство горькой обиды, раздраженіе, растерянность и мучительная забота о завтрашнемъ днѣ—вотъ тѣ чувства и мысли, которыя овладѣваютъ тѣми изъ духовныхъ лицъ, которыя отдаютъ себѣ ясный отчетъ въ своемъ современномъ положеніи и состояніи.

Эти мысли и чувства еще болѣе усиливаются у духовенства, когда оно слышитъ новое обвиненіе противъ себя, раздающееся то громко, то шопотомъ, бросаемое то въ лицо духовенству, то изъ-за угла, —обвиненіе въ реакціонности и даже прямо въ контръ-революціонности. Удивительное дѣло: революціонная демократія все время твердитъ, что вся власть въ странѣ въ ея рукахъ, знаетъ, что за ея спиной стоитъ революціонно—настроенный вооруженный народъ, и въ то же время постоянно пугливо озирается по сторонамъ: не покажется ли откуда-нибудь контръ—революція? Повидимому, демократія смертельно боится контръ—революціи и въ каждомъ словѣ, въ малѣйшей критикѣ дѣйствій демократіи стремится усмотрѣть признаки контръ—революціонности. Разумѣется, это смѣшно: буржуазіи въ Россіи небольшая кучка, да для нея и невыгоденъ старый строй, аристократіи—капля въ русскомъ морѣ,—откуда же контръ—революція придетъ? Правда, признаки ея есть на—лицо, въ будущемъ она, быть можетъ, и совсѣмъ будетъ замѣтна, но эта контръ—револю-

ція и подготовляется и возникаетъ не усиліями буржуазіи и аристократіи, а самой же демократіи—ея непрактичностью, неумѣлостью, оторванностью отъ русской почвы, фантазерствомъ, склонностью безъ конца говорить и ничего не дѣлать. Тѣ массы, которыя идутъ за демократіей, разочаровавшись въ достижимости того рая, который демократія пообѣщалась насадить въ Россіи, весьма возможно, отвернутся отъ демократіи и попытаются взять синицу въ руки, а не ловить журавля въ небѣ. Но причемъ же здѣсь духовенство? Если бы дѣйствительно духовенство во всей своей массѣ во время недавняго прошлаго было ревностнымъ слугою стараго режима; если бы въ наши дни оно, тоже всею массою, протестовало противъ новаго режима и стремилось возвратить старый,-массою повторяемъ, или хотя бы замѣтнымъ большинствомъ,—тогда обвиненіе духовенства въ контръ—революціонности было бы справедливо. Но, вѣдь, ничего подобнаго не было и нѣтъ. Не отрицаемъ, что среди духовенства были и есть отдѣльные представители, можетъ быть, даже не такъ малочисленные, которые стояли и стоятъ за старый строй, но въ какомъ же сословіи и классѣ общества ихъ нѣтъ? Не изъ среды ли рабочихъ и крестьянъ нашлось самое большое количество гнуснѣйшихъ провокаторовъ? Не штыками ли и пулеметами поддерживала армія старый строй? Нельзя говорить всѣмъ представителямъ современной демократіи: *мы* страдали, мучились, *мы* добивались свободы, *мы* отстаивали права и интересы народа, а вотъ *духовенство* ничего этого *не дѣлало;* слѣд., оно стояло за старое. Это было бы похоже на—«мы пахали». Нѣтъ, «пахали» то очень немногіе, они страдали и мучились; а прочіе только при этомъ «присутствовали» и старались догадаться: что изъ этого выйдетъ? Конечно, многіе и сочувствовали, а когда «вышло» то, чего добивались немногіе,

прочіе охотно присоединились къ нимъ. Но, вѣдь, нельзя говорить, что именно это то они и дѣлали, какъ нельзя говорить, что духовенство, въ лицѣ своихъ представителей, не участвовало въ освобожденіи народа. Факты на-лицо. Отдѣльные члены духовенства, «немногіе» страдали и мучились, подвергаясь особымъ спеціальнымъ карамъ. И всетаки несмотря на всю нелогичность и фактическую несостоятельность подобныхъ обвиненій духовенства продолжаютъ обвинять духовенство, продолжаютъ говорить, что духовенство совсѣмъ не сочувствуетъ новымъ порядкамъ русской жизни, что оно не хочетъ и не можетъ идти рука объ руку съ народомъ, что оно оплакиваетъ старый царскій строй и стремится возвратиться къ нему.

Это голословное, несправедливое, огульное обвиненіе подбавляетъ новую каплю горечи въ душу духовенства и заставляетъ однихъ изъ него удариться въ крайности «лѣвыхъ» ученій, а другихъ инстинктивно изъ—за обиды сторониться отъ общаго движенія, замыкаться въ себя и тѣмъ еще больше терять въ глазахъ народа. Немногіе лишь открыто протестуютъ противъ обвиненія, доказывая и словами и дѣлами своими, что они вовсе не враги народа. А горечь обиды у большинства всетаки остается.

Обиду, душевную тяжесть, горе человѣку перенести легче, если онъ знаетъ, что онъ не одинокъ, что найдется живая человѣческая душа, которая готова поддержать и утѣшить его, найдется близкій, свой человѣкъ, который живетъ одинаковыми радостями и горестями. Этого-то какъ разъ и нѣтъ: духовенство, его отдѣльные представители, къ сожалѣнію, всегда были одиноки. Разумѣемъ главнымъ образомъ сельское духовенство. Заброшенное въ глухія деревни, въ малокультурную деревенскую среду, духовенство стремилось сжиться съ народомъ, старалось болѣе или менѣе войти въ народные

интересы, но всетаки интересы и среда народная не могли быть для духовенства всецѣло своими: этому препятствовали міровоззрѣніе и сравнительно высшая культурность духовенства. Близкими, своими людьми могли быть для духовенства интеллигентные люди деревни, но ихъ было такъ мало, были близкими людьми для членовъ духовенства села другіе члены причта, для священника—низшіе члены клира и наоборотъ. Всетаки между членами клира была замѣтная разница въ культурности, разница въ разнообразныхъ интересахъ и потому между членами отдѣльнаго клира часто замѣчалось разобщеніе. Другіе члены духовенства иныхъ селъ были далеко и рѣдко духовенство округа, уѣзда, тѣмъ болѣе губерніи собиралось вмѣстѣ ради идейнаго сближенія, ради обсужденія общихъ профессіональныхъ и сословныхъ вопросовъ.

Революція застала духовенство въ этомъ состояніи разобщенности, и горе и обиды, нанесенныя духовенству текущимъ моментомъ, заставили его еще сильнѣе почувствовать свое одиночество. Сплотиться сразу, договориться было не такъ—то легко: разбросанное въ тысячахъ селъ одной епархіи, привязанное къ мѣсту своей службы, духовенство и не можетъ съѣхаться *все* вмѣстѣ, какъ это, напр., могутъ сдѣлать сельскіе учителя и др. Оно съѣзжалось частями, по округамъ. Оттого—то организація духовенства, его спайка для взаимной поддержки, помощи налаживались и налаживаются очень туго. А тутъ явились новыя, особыя обстоятельства, которыя не только серьезно стали мѣшать организаціи духовенства, но даже успѣли посѣять среди него очень печальную рознь: стало намѣчаться рѣзкое раздѣленіе между высшими и низшими членами клира и между членами клира, одинаковыми по своему положенію, но разныхъ селъ. Въ обоихъ случаяхъ раздѣленіе произошло на почвѣ матеріальныхъ счетовъ.

Между священниками, съ одной стороны, діаконами, а всего болѣе псаломщиками, съ другой, произошли рѣзкіе раздоры изъ—за раздѣла такъ называемыхъ братскихъ доходовъ. Псаломщики потребовали увеличенія части ихъ доходовъ, діакона поддержали псаломщиковъ, но съ тѣмъ, чтобъ увеличеніе части дохода псаломщиковъ совершалось на счетъ доли священника. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ псаломщики требовали такой же части дохода, какъ и священники. Что псаломщики желали увеличенія своего дохода, улучшенія своего положенія, которое, вообще говоря, очень плохо, это вполнѣ понятно, но не совсѣмъ обычно было самое требованіе и его мотивировка. Сейчасъ въ Россіи всѣ требуютъ улучшенія своего положенія, но требуютъ не на счетъ своихъ товарищей по профессіи, а на счетъ другихъ: рабочій добивается улучшенія своего положенія насчетъ предпринимателя и потребителя, но не на счетъ своего брата—рабочаго; крестьянинъ старается улучшить свое положеніе насчетъ городского потребителя, а не своего сосѣда. Псаломщики и діакона потребовали улучшенія своего положенія насчетъ священника: пусть намъ будетъ получше, а ему похуже. А мотивировали свое требованіе тѣмъ, что они не меньше „работаютъ", чѣмъ священникии, даже высчитывали количество производимой каждымъ членомъ клира „работы". Вотъ этотъ—то подсчетъ работы, какъ мотивъ для требованія улучшенія положенія низшихъ членовъ клира насчетъ высшаго, не совсѣмъ обыченъ... для всѣхъ странъ міра, кромѣ Россіи. Вездѣ установилось мнѣніе, что интеллигентный трудъ разцѣнивается выше, трудъ же, не требующій умственнаго напряженія, разцѣнивается ниже. Вездѣ цѣнили и цѣнятъ именно интеллигентность труда, полагая, что культура человѣчества создается прежде всего и больше всего силой ума, а не рукъ. Такъ думали и въ Россіи до революціи.

Послѣ революціи счетъ пошелъ обратный: рабочій и крестьянскій трудъ очутился въ почетѣ, а интеллигентный—очень часто въ загонѣ. Многимъ интеллигентнымъ труженикамъ и не снятся такіе мѣсячные оклады, какіе получаетъ рабочій. А крестьяне прямо называютъ дармоѣдами учителей, врачей, агрономовъ, негодуютъ на ихъ „высокіе“ оклады содержанія и безцеремонно гонятъ ихъ изъ деревни. Та же тенденція просочилась и въ отношеніяхъ сельскаго клира. Псаломщикъ при богослуженіяхъ и требахъ, вообще говоря, „работаетъ“ не меньше священника, но трудъ священника—во всемъ его объемѣ—нѣсколько иной, чѣмъ трудъ псаломщика и даже діакона. Здѣсь равенство далеко не полное. До революціи какъ то согласно признавалось, что трудъ всего духовенства оцѣнивается низко и всѣ мечтали, что оцѣнка будетъ повышена для всѣхъ. Послѣ революціи сочли возможнымъ понизить разцѣнку труда одного священника. Священникъ, конечно, запротестовалъ, начались раздоры между нимъ и низшими членами причта. Эти послѣдніе, какъ видно изъ разнообразныхъ фактовъ, обратились за поддержкой къ приходу и во многихъ случаяхъ священникамъ пришлось плохо. Священники, въ свою очередь, начали указывать на „полную безполезность“ для церкви діаконскаго служенія и тоже въ нѣкоторыхъ случаяхъ добились того, что стало плохо о. о. діаконамъ. Такимъ образомъ, внутри клира вмѣсто единенія для борьбы съ общимъ врагомъ—безрелигіозностью и индиферентизмомъ, получилось разъединеніе, вражда, даже ожесточенная борьба, заставляющая духовенство глубже сознавать тяжесть и шаткость своего теперешняго положенія.

Къ этому присоединились еще борьба изъ-за мѣстъ, въ связи съ введеніемъ выборнаго начала при замѣщеніи мѣстъ въ клирѣ. Разсказъ о борьбѣ изъ-за мѣстъ будетъ впослѣдствіи представлять собою одну изъ позорныхъ страницъ въ исторіи

русскаго духовенства. Эта борьба, можно сказать, на всѣ фронты, борьба всѣхъ противъ всѣхъ. Псаломщики полагаютъ, что они вполнѣ достойны занятія діаконскаго мѣста въ приходѣ, діаконъ думаетъ, что онъ можетъ занять мѣсто священника въ томъ же приходѣ. И священникъ, и діаконъ, и псаломщикъ увѣрены, что они вправѣ домогаться лучшаго мѣста гдѣ-либо въ другихъ приходахъ. Но мѣста заняты живыми людьми, а избраніе зависитъ отъ прихожанъ. Это не останавливаетъ кандидатовъ на живыя мѣста. Каждый изъ такихъ кандидатовъ старается внушить прихожанамъ, что онъ именно, а не кто-либо другой явится для нихъ лучшимъ клирикомъ. А чтобъ расположить выборщиковъ къ себѣ, онъ является въ приходъ, начинаетъ волновать прихожанъ противъ наличныхъ членовъ клира и, зная слабую крестьянскую струнку, обѣщаетъ, что за требы онъ будетъ брать меньше, чѣмъ беретъ тотъ, чьего мѣста добивается онъ. Крестьяне легко поддаются на такія рѣчи и—въ результатѣ приговоръ объ изгнаніи того члена клира, мѣста котораго добиваются, А затѣмъ начинаются выборы... Нерѣдко являются на освободившееся мѣсто два—три кандидата, кромѣ того или тѣхъ, кто добился изгнанія предшественника. Сначала они показываютъ предъ прихожанами свое искусство въ служеніи, а затѣмъ начинаютъ увѣрять, что каждый изъ нихъ будетъ для прихожанъ самымъ выгоднымъ, т. е. самымъ дешевымъ. Къ счастью, теперь не продаютъ водки. А то случилось бы то, что случалось въ 70-хъ г. г. XIX в., по мѣстамъ, гдѣ выбирали клириковъ: кандидаты на мѣста клириковъ, вѣроятно, выставляли бы „угощеніе“ своимъ выборщикамъ, а можетъ быть, кое-что выставляютъ и сейчасъ.

И нужно прямо сказать, что ничто такъ не роняетъ авторитета духовенства въ глазахъ прихода, какъ эти подкопы клириковъ однихъ противъ другихъ, какъ эта торговля

съ прихожанами изъ-за платы за требы: онъ дорого беретъ, я возьму меньше...

Но необходимо всмотрѣться въ душу клирика, сидящаго на опредѣленномъ мѣстѣ. Онъ долженъ знать, что его мѣсто ничѣмъ не гарантировано отъ искательства любителей чужихъ мѣстъ, что сегодня онъ на мѣстѣ, а завтра можетъ явиться „кандидатъ на живое мѣсто", и клирикъ, мѣста котораго домогаются, можетъ быть легко выброшенъ съ семьей на улицу, на холодъ и на голодъ.

Да, если всмотрѣться внимательнѣе съ современное положеніе духовенства Православной Церкви, придется признать, что оно незавидно и не только съ юридической стороны. Духовенство нерѣдко слышитъ и видитъ глумленіе и пренебреженіе къ религіи и Церкви, глумленіе надъ самимъ собой, какъ дѣятелями религіи, слышитъ и читаетъ, какъ его заподозрѣваютъ въ приверженности къ старому порядку, объявляютъ врагомъ народа, видитъ, что въ это тяжелое переживаемое имъ время оно не можетъ разсчитывать на дѣятельную энергичную поддержку со стороны своихъ собратьевъ, потомучто никакъ не могутъ эти собратья хорошенько сорганизоваться; напротивъ, замѣчаетъ, что собратья—то готовы во многихъ случаяхъ причинить ему обиду и зло—лишить мѣста и изгнать съ семьей на улицу. Да, положеніе духовенства въ этомъ отношеніи не только незавидное, но и совсѣмъ плохое. Еще хуже его матеріальное положеніе.

X.

Соціальное значеніе религіозной личности.

Какъ только пали узы, связывавшія русскую общественность, началась всюду лихорадочная дѣятельность свободныхъ русскихъ гражданъ. Какъ будто всѣ хотятъ наверстать то время, въ которое они поневолѣ были инертны. Вырабатываются проектъ за проектомъ переустройства той или иной области русской жизни, и одни другихъ смѣлѣй, одни другихъ заманчивѣй, обѣщая горы счастья и радости. Всему этому приходится, конечно, только радоваться и желать, чтобы такой энтузіазмъ русскаго народа въ дѣланіи добра не ослабѣвалъ. И мы твердо надѣемся, что по крайней мѣрѣ тѣ, которые исполнены надеждой на торжество Божіей правды, живой вѣрой въ Бога, не устанутъ совершать свой путь добродѣтели. Такимъ именно характеромъ должна быть запечатлена жизнь каждаго истиннаго христіанина, ибо жить для блага ближняго во имя любви къ Богу, какъ Отцу великой человѣческой семьи,—это его призваніе. Между тѣмъ какъ безъ Христа вся наша революціонная свобода превратится въ дикую борьбу страстей, и если будетъ борьбою на общее благо людей, то весьма мимолетною, имѣющею характеръ простой, минутной вспышки. Въ этомъ насъ убѣждаютъ факты изъ исторіи прошлаго. Послѣ чрезвычайнаго подъема въ дни свободъ, творцы революціи всегда испытывали быстрое наступленіе упадка силъ, нравственнаго бездѣйствія. Это вполнѣ понятно. Вѣдь для невѣрующаго нѣтъ Бога, нѣтъ и безсмертія, впереди какой—то мракъ небытія. Пожертвовать такому человѣку сейчасъ своею жизнію для блага будущаго человѣчества—значитъ послужить, какъ говорятъ, навозомъ для удобренія жизни будущихъ поколѣній. Самъ же онъ навѣки лишенъ возможности жить въ созданной на его трупѣ гармоніи жизни, равно какъ и быть вознагражденнымъ за

свою жертву. Ясно, что тутъ разумъ не можетъ быть удовлетворенъ. Тутъ нѣтъ примиренія, нѣтъ логики: жертва не оправдывается и не можетъ быть оправдана въ отношеніи къ нему самому блаженствомъ потомковъ. Вотъ почему, какъ только по минованіи первыхъ благородныхъ порывовъ, разумъ предъявитъ невѣрующему человѣку свои требованія, послѣдній лишается силъ для работы. Только въ вѣрѣ въ Бога, въ идеѣ безсмертія человѣка и есть это примиреніе. Только около Голгофы и можно получить силы для работы на пользу ближняго.

Революціонный подъемъ временъ минувшихъ даже съ 60-хъ годовъ у многихъ изъ насъ еще въ памяти и прекрасно отразился въ литературѣ, развернувъ которую мы можемъ найти очень хорошіе уроки для нашего настоящаго. Тогда весьма многіе изъ шедшихъ по пути освобожденія безъ Бога стремились главнымъ образомъ только къ тому, чтобы имъ жилось самимъ „вольготнѣй". И лишь только наступало время, когда имъ становилось „вольготно", какъ буржуа, тогда они переставали работать, успокаивались. Что имъ до другихъ, до ближняго, когда они одинъ разъ живутъ?! Имъ своя рубашка ближе къ тѣлу, да, наконецъ, для нихъ и не могло быть какихъ либо разумныхъ основаній для борьбы за благо другого въ ущербъ самимъ себѣ. Для нихъ она была бы не болѣе какъ простымъ самоубійствомъ.

А вотъ обычная исторія людей интеллигентныхъ, работавшихъ въ прошлой революціи для блага будущаго человѣчества, какъ она отразилась въ литературѣ. Приблизительно она такова. Въ юности, въ первой молодости—блестящій дѣлецъ, энтузіастъ, поборникъ соціализма, вѣрнѣе—правды, а въ 30—35 лѣтъ—полный банкротъ, кончающій иногда жизнь самоубійствомъ. Такъ именно покончила жизнь Варвара Васильевна въ разсказѣ Вересаева «На поворотѣ». Въ этомъ же разсказѣ Сергѣй, проповѣдникъ свободы личности и пол-

ноты жизни, хочетъ повѣситься. У Чехова Ивановъ стрѣляется. У Гаршина въ разсказѣ «Ночь» «блѣдный человѣкъ» готовится къ самоубійству и т. д.

Это—краткая, но, къ сожалѣнію, вѣрная характеристика поборниковъ правъ демократіи и вообще личности, въ ихъ громадномъ большинствѣ. Но отчего они, вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, къ 30—35 г.г. становятся уже полными банкротами? Отчего одинъ гаснетъ въ чахоткѣ, другой пускаетъ пулю въ лобъ, третій ищетъ забвенія въ кутежахъ и картахъ, четвертый, чтобы заглушить страхъ и тоску, цинически топчетъ ногами портретъ своей чистой, прекрасной молодости? Отчего они, упавшіе разъ, ужъ болѣе не стараются встать, и потерявши одно, уже не ищутъ другого?! Нѣтъ сомнѣнія, что главной причиной является отсутствіе въ человѣкѣ твердыхъ убѣжденій и вѣры въ то, изъ-за чего бы можно было всегда жертвовать собою, *что оправдывало бы эту жертву*. Черезъ 200—300 лѣтъ жизнь на землѣ будетъ невообразимо прекрасной. „Мы для нея живемъ, говоритъ Вершининъ,—для нея работаемъ и страдаемъ. Мы должны работать и работать, а счастье—это удѣлъ нашихъ далекихъ потомковъ" („Три сестры"). Однако, этотъ наивный оптимизмъ, отводящій людямъ роль рабовъ, работающихъ на какую-то будущую породу людей, роль поддержекъ великолѣпной террасы, на которой кто-то когда-то будетъ танцевать, весьма оказывается неубѣдительнымъ не только для другихъ, но и для самихъ высказывающихъ его. Для Тузенбаха („Три сестры") эта идея не болѣе, какъ миражъ, поэтому онъ меланхолически заявляетъ, что «не только черезъ 200, но и черезъ милліонъ лѣтъ жизнь останется такою же». А для другого Чеховскаго героя является сомнѣніе, помянутъ ли еще добрымъ словомъ ихъ тѣ, которые будутъ жить черезъ 100—200 лѣтъ и для которыхъ они пробиваютъ дорогу («Дядя Ваня»).

Все это сильно охлаждаетъ работниковъ на пользу общую, работниковъ безъ Бога, безъ Христа. Такимъ мрачнымъ отчаяніемъ наполнилось сердце такого умнаго человѣка, какъ Герценъ, когда онъ продумалъ философію отрицанія религіи. „Я не жду уже ничего, ничто, послѣ видимаго и испытаннаго мною, не удивитъ и не обрадуетъ глубоко; удивленіе и радость обузданы воспоминаніемъ былого, страхомъ будущаго. Почти все стало мнѣ безразлично, и я равно не желаю ни завтра умереть, ни очень долго жить; пускай себѣ конецъ придетъ такъ же случайно и безсмыслено, какъ и начало“. Въ одномъ изъ разсказовъ Вересаева («На поворотѣ») нѣкто Токаревъ, лишенный вѣры въ Бога, такъ высказывается своей собесѣдницѣ о своемъ безсиліи въ общественной работѣ: «Я вижу, говоритъ онъ, что во мнѣ исчезаетъ что то страшно нужное, безъ чего нельзя жить. Гаснетъ непосредственное чувство, и его замѣнить ничѣмъ. Я начинаю все равнодушнѣе относиться къ природѣ. Между людьми и мною все выше растетъ глухая стѣна. Вотъ теперь много думаю и читаю по этикѣ (вопросы нравственности,) стараясь философски обосновать мораль, конструируя себѣ разныя категоріи долга. Но въ душѣ я горько смѣюсь надъ собой. Умерло непосредственное чувство-умерло все; его нельзя замѣнить никакими философскими категоріями и нормами».

Не менѣе характерно и признаніе безупречной общественницы, Варвары Васильевны. „Во мнѣ все сохнетъ, говоритъ она,—какъ сохнетъ вѣтка дерева. Ея форма, весь наружный видъ—все какъ будто остается прежнимъ, но въ ней нѣтъ гибкости, нѣтъ жизни, она мертва до самой сердцевины... Я не люблю людей... и ничего не люблю“, съ ужасомъ признается она. Всѣ эти признанія являются воплемъ душъ, сознавшихъ неестественность, крайнюю искусствен-

ность мотивовъ своей жизни и дѣятельности. „Хоть бы какого нибудь настоящаго, неподдѣльнаго чувства, не умирающаго внутри моего „я“! Вѣдь есть же міръ!“ молитъ „блѣдный человѣкъ“, разбуженный колоколомъ (въ разсказѣ Гаршина „Ночь“). Не ясно ли изъ этого искренняго признанія потерявшей Бога души, что она въ своей дѣятельности въ сущности опиралась не на приведенныя выше разумности Вершинина, а именно на непосредственное чувство, воспитанное въ ней христіанской атмосферой. Но вотъ это чувство съ теченіемъ времени, не питаясь изъ своего прежняго источника, пропало, изсякло, и человѣкъ оказался неспособнымъ бороться за правду жизни. „О, куда вы ушли, слышимъ мы стонъ А. П. Чехова, въ какомъ морѣ утонули зачатки прекрасной чистой жизни, когда при каждомъ ударѣ грома спѣшилъ я читать: „Святъ, Святъ, Святъ“! Не слышится ли въ этихъ словахъ глубокій стонъ великаго христіанина: „Господи! спаси меня отъ меня самого“!

Ал. Бѣляевъ.

О матеріальномъ обезпеченіи нашего духовенства.

Вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи нашего духовенства одинъ изъ важныхъ, серьезныхъ и притомъ наболѣвшихъ вопросовъ. Каково будетъ рѣшеніе его на Всероссійскомъ Помѣстномъ Соборѣ—неизвѣстно, только теперь, когда онъ скоро будетъ рѣшенъ и матеріальное, правовое и общественное положеніе нашего духовенства измѣнится, нельзя обойти его молчаніемъ.

До сихъ поръ, какъ извѣстно, источниками или средствами матеріальнаго обезпеченія нашего духовенства являлись и являются доброхотныя подаянія прихожанъ. Государство старое, правда, приходило на помощь бѣдному духовенству и ассигновывало на его нужды суммы изъ своего Казначейства, но въ очень рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ и притомъ въ самыхъ малыхъ, ограниченныхъ размѣрахъ.

Насколько удобенъ или хорошъ этотъ способъ матеріальнаго обезпеченія нашего духовенства, объ этомъ будетъ рѣчь итти далѣе, а теперь мы обратимъ вниманіе читатели на то, въ какомъ крайне бѣдственномъ, тяжеломъ матеріальномъ положеніи находится сейчасъ наше духовенство при существующемъ способѣ его обезпеченія.

Пишущій настоящія строки достаточно насмотрѣлся на матеріальную жизнь нашего духовенства и увидѣлъ, что она дѣйствительно тяжела, горька и безотрадна. Почти безъ преувеличенія можно сказать, что духовенство въ настоящее время-это самое жалкое, несчастное, обездоленное сословіе въ этомъ отношеніи. Какой рабочій или чиновникъ средней руки въ городахъ получаетъ нынче 60—80 рублей въ мѣсяцъ? Между тѣмъ, намъ хорошо извѣстны нѣсколько священниковъ изъ нашей губерніи, которые получаютъ эту сумму и даже менѣе. Какъ же, спрашивается, жить при такихъ условіяхъ священнику, человѣку культурному, образованному, который, кромѣ матеріальной нужды, имѣетъ еще духовную потребность пріобрѣсти себѣ хорошую книгу, газету, брошюру и т. п., не говоря уже объ остальныхъ членахъ причта, когда жизнь чуть не съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дорожаетъ? Какъ жить, въ особенности, тому духовенству, которое занимаетъ небольшіе, малые приходы и которое обременено бываетъ сплошь и рядомъ большой семьей? Скажутъ, быть можетъ: въ такомъ случаѣ духовенство пусть набавляетъ

себѣ плату за требы. Но легко-ли это сказать! Вѣдь положеніе нашего духовенства въ настоящее время и безъ того очень шаткое, непрочное и всецѣло зависитъ отъ доброй воли и благорасположенія прихожанъ, а это лишній разъ дастъ поводъ къ различнымъ нареканіямъ, жалобамъ и обвиненіямъ на него со стороны тѣхъ же прихожанъ. Нѣкоторые священники, впрочемъ, такъ и дѣлаютъ—набавляютъ вмѣстѣ съ причтомъ плату за требы, но нерѣдко бываютъ случаи, когда подобная мѣра нашего духовенства вызываетъ ропотъ, недовольство среди прихожанъ и отношенія между священникомъ и прихожанами до того иногда обостряются на этой почвѣ, что послѣдніе выгоняютъ его вонъ изъ прихода. Такъ въ въ полной матеріальной зависимости, подчиненіи отъ прихожанъ и неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, духовенство наше влачитъ жалкое существованіе, оставаясь сплошь и рядомъ при своихъ прежнихъ, скудныхъ доходахъ. А тутъ еще, какъ на грѣхъ, въ нѣкоторыхъ приходахъ крестьяне отбираютъ церковную землю и, такимъ образомъ, лишаютъ духовенство одного изъ главныхъ источниковъ его содержанія.

Насколько ужасно, жалко и безотрадно матеріальное положеніе нашего духовенства, объ этомъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорятъ два слѣдующихъ безспорныхъ, поразительныхъ факта или доказательства: это поголовное бѣгство семинаристовъ изъ духовнаго званія и замѣчавшееся за последнее время стремленіе нѣкоторыхъ священниковъ снять съ себя духовный санъ и поступить въ учителя или кудалибо на гражданскую службу. Спрашивается: чѣмъ можно объяснить подобныя явленія изъ жизни нашего духовенства, какими психологическмми мотивами, или побужденіями? А мотивъ, какой здѣсъ обыкновенно приводится, въ большинствѣ случаевъ одинъ и тотъ же: кому пріятно чувствовать или сознавать постоянную, вѣчную матеріальную зависимость,

подчиненіе отъ тѣхъ лицъ, которымъ служишь и которые сплошь и рядомъ оцѣниваютъ твой трудъ недостаточно, легкомысленно, и вѣчно опасаться, какъ бы за неосторожное слово или поступокъ не лишиться отъ нихъ куска насущнаго хлѣба. Поистинѣ, горше, тяжелѣе и больнѣе этого сознанія нѣтъ у человѣка и быть не можетъ, если только онъ человѣкъ, живетъ на землѣ, и, какъ человѣкъ, нуждается въ одеждѣ, пищѣ и питьѣ!

Говоря о матеріальномъ опезпеченіи нашего духовенства, мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ наше сельское духовенство, живущее въ небольшихъ, незначительныхъ приходахъ и въ матеріальномъ отношеніи обезпеченныхъ очень скудно, незавидно. Есть, конечно, не споримъ, большіе, громадные приходы, гдѣ жизнь нашего духовенства протекаетъ въ болѣе лучшихъ матеріальныхъ условіяхъ, но ихъ, къ сожалѣнію, очень мало, всего быть можетъ найдется какой-либо десятокъ или другой въ каждой епархіи.

Что же касается того положенія, насколько хорошъ или удобенъ настоящій, существующій способъ матеріальнаго обезпеченія нашего духовенства, относительно этого нужно сказать слѣдующее. Въ настоящее время едва-ли кто найдется изъ духовенства, да, пожалуй, и изъ лицъ свѣтскаго сословія, который сталъ бы горячо защищать практическую пригодность или удобство и фактическую удовлетворительность настоящаго, существующаго способа матеріальнаго обезпеченія нашего духовенства при настоящихъ, современныхъ условіяхъ жизни. Наоборотъ, можно съ увѣренностію сказать, что почти всѣ сознательные, разумные лучшіе люди изъ духовенства давно говорятъ и пишутъ о его практической непригодности или непримѣнимости при настоящихъ, современныхъ условіяхъ жизни и прежде всего потому, что онъ ставитъ наше духовенство, и въ частности, священника, въ крайне унизитель-

ное, приниженное и оскорбительное для его сана положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, священникъ носитъ въ себѣ высокій санъ, совершаетъ великія таинства, которыхъ онъ является раздаятелемъ и, несмотря на это, обращается буквально въ нищаго, проситъ милостыню, протягиваетъ руку за подаяніемъ. Далѣе, настоящій, существующій способъ матеріальнаго обезпеченія нашего духовенства не можетъ быть признанъ хорошимъ или удобнымъ и потому еще, что онъ стѣсняетъ или ограничиваетъ свободу дѣятельности нашего духовенства, въ особенности священника, и ведетъ къ различнымъ недоразумѣніямъ, раздорамъ и несогласіямъ, которыя сплошь и рядомъ возникаютъ на матеріальной почвѣ между духовенствомъ и прихожанами, а также и между отдѣльными членами причта. Вмѣсто братской любви и взаимной расположенности другъ къ другу, въ отношеніяхъ духовенства и прихожанъ, мы видимъ, сквозитъ нерѣдко одна только ненависть, злоба и раздраженіе, которыя принимаютъ иногда большіе размѣры. Наконецъ, нужно принять во вниманіе и еще одинъ мотивъ или обстоятельство, почему существующій способъ матеріальнаго обезпеченія нашего духовенства является непригоднымъ или непримѣнимымъ при настоящихъ, современныхъ условіяхъ. Благодаря такому способу обезпеченія, доходы въ нѣкоторыхъ приходахъ, въ особенности, въ тѣхъ, гдѣ народъ живетъ бѣдный, могутъ сводиться до минимума и духовенству нашему буквально приходится голодать. Подобныхъ примѣровъ или доказательствъ можно найти сколько угодно въ нашей епархіи, а также и въ другихъ епархіяхъ находящихся по сосѣдству съ нашей или на болѣе далекомъ отъ нея разстояніи.

Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить такое пожеланіе; если наше духовенство желаетъ выйти, освободиться изъ своего крайне бѣдственнаго тяжелаго матеріальнаго положенія,

въ которомъ оно сейчасъ находится, то пусть настоятельно, убѣдительно проситъ, чтобы ему было положено приличное жалованіе отъ казны. Это единственный исходъ изъ создавшагося крайне ненормальнаго, уродливаго способа его матеріальнаго обезпеченія, какъ несовмѣстимаго съ его высокимъ, возвышеннымъ служеніемъ. Иного нѣтъ пути, нѣтъ исхода!

Л. Громовъ.

Къ текущему моменту.

Почему гибнетъ Россія?

Пока печаталась наша статья въ предшествующемъ № „Епар. Вѣд.“, въ Москвѣ происходило совѣщаніе правительства съ особо избранными людьми по вопросу о томъ, какъ спасти Россію отъ гибели. Правительство нарисовало жуткую картину современнаго состоянія Россіи, во многихъ частяхъ вполнѣ совпадающую съ той картиной, какую мы дали въ своей статьѣ. А. Ф. Керенскій и другіе министры, иногда очень откровенно, иногда мимоходомъ, какъ будто стѣсняясь бросать въ лицо различнымъ ґруппамъ и партіямъ открытые упреки и обвиненія, намѣтили рядъ причинъ, которыя привели страну къ современному безотрадному состоянію. А. Ф. Керенскій настойчиво подчеркивалъ грѣхи стараго царскаго правительства, какъ ближайшую и, пожалуй, главную причину гибели Россіи. Думается, что съ министромъ—предсѣдателемъ никто не будетъ спорить по этому вопросу. Да, грѣхи стараго царскаго правительства весьма велики. Самодержавное правительство вѣчно боялось, какъ бы народъ не отнялъ у него власти. А чтобы этого не случилось, народъ намѣренно оставлялся въ невѣжествѣ, народу почти

не давалось права вникать въ государственныя дѣла и направлять ихъ во благо народа же. Дѣятельность Государственной Думы постоянно задерживалась и изъ ея постановленій ничего не выходило. Попытки отдѣльныхъ классовъ или сословій столковаться по своимъ дѣламъ разсматривались какъ государственное преступленіе и обычно уничтожались. Неудивительно потому, что, когда произошелъ переворотъ, русскій народъ, въ массѣ, оказался достаточно невѣжественнымъ и совершенно неопытнымъ въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ. На него, можно сказать, свалилась тяжкая обязанность не только охранять государственный порядокъ, но и перестраивать страну заново сверху до низу. А народъ не понималъ ни сущности этого порядка, ни того, какъ нужно приниматься за дѣло устроенія Россіи, былъ разбитъ на отдѣльные классы и сословія, не только не согласные между собою, но и прямо враждебные. Естественно, что дѣло государственнаго строительства валилось изъ рукъ народа и въ странѣ скоро началась полная разруха. Нельзя отказать прежнему правительству въ извѣстной долѣ сообразительности и дальновидности: оно, оставляя народъ въ невѣжествѣ, сумѣло, до извѣстной степени, оказаться необходимымъ для народа.

Да, А. Ф. Керенскій правъ, указывая на старое правительство, какъ на причину современнаго, отчаяннаго положенія Россіи. Но нужно откровенно сознаться и въ томъ, что во многомъ виноваты мы сами, если не всѣ, то наши вожди. Что наша армія развалилась, что изъ нея исчезла всякая дисциплина, что ею овладѣлъ шкурный страхъ, что она, вмѣсто исполненія своего долга, пустилась въ безконечные разговоры по политическимъ вопросамъ и вмѣсто войны съ нѣмцами принялась глупо „брататься“ съ ними,—во всемъ этомъ, думается, мало повинно старое правительство. Попробуемъ

поискать другихъ причинъ современнаго развала и гибели Россіи.

Государственный переворотъ совершила буржуазная Государственная Дума, но тотчасъ же руководство революціей и устроеніемъ новаго государственнаго порядка попало въ руки революціи и ея вождей. И она сейчасъ же допустила грубѣйшую непростительную ошибку, которую хотятъ поправить сейчасъ и поправить не могутъ. *Революція переоцѣнила силу стараго строя.* Этотъ строй представлялся ей крѣпкимъ, могущественнымъ, который безъ борьбы не сдастся, съ которымъ нужно еще отчаянно бороться, который имѣетъ многочисленныхъ сторонниковъ. Эти сторонники прежде всего—офицерство и буржуазія. Вотъ у нихъ—то и нужно отнять всякую силу. Все это мнѣніе было сплошной ошибкой съ начала до конца. Старый строй на самомъ дѣлѣ не имѣлъ никакой силы. Въ Россіи было черезчуръ мало лицъ, которыя ему сочувствовали, его поддерживали. Многимъ онъ былъ положительно ненавистенъ. И какъ карточный домикъ разваливается отъ одного прикосновенія, такъ и старое правительство пало надъ ударами кучки петроградскаго гарнизона и рабочихъ. Вся остальная Россія если не равнодушно, то совершенно спокойно отнеслась къ паденію царской власти. Дѣло было кончено. И если бы революція и ея вожди знали побольше Россію и ея настроеніе, они сейчасъ же должны были бы приняться за строеніе новой Россіи. Они этого не сдѣлали, а принялись за отыскиваніе сторонниковъ стараго порядка и «обезвреживаніе» ихъ. Врагами новаго строя, сторонниками стараго порядка были признаны всѣ офицеры. И это признаніе было выражено открыто въ прокламаціяхъ, а позднѣе въ печальномъ приказѣ № 1, изданномъ Петро-

градскимъ Совѣтомъ с. и р. депутатовъ.*) Результаты такого признанія были плачевны: всѣ офицеры въ глазахъ арміи скоро стали неблагонадежными, солдаты отстранились отъ нихъ, перестали уважать и вѣрить имъ, перестали слушаться ихъ приказаній и, отнявъ у нихъ всякую власть, вручили эту власть комитетамъ. Дисциплина и порядокъ въ арміи поддерживались властью офицеровъ. Власть эта пала, съ нею пала и дисциплина, и армія превратилась въ безпорядочную толпу. Основаній для настоящей дисциплины, основанной не на простой власти офицеровъ, а на сознательности солдатъ, арміи не дали, да и не могли дать: мало сознательную, въ значительной степени некультурную солдатскую массу нельзя въ нѣсколько мѣсяцевъ, тѣмъ болѣе въ нѣсколько дней превратить въ сознательную и культурную. Потому-то армія, лишившись властной офицерской опеки, превратилась въ толпу «взбунтовавшихся рабовъ», какъ выразился А. Ф. Керенскій. Офицеры, объявленные врагами новаго порядка, невольно отстранились отъ солдатской массы. Сохранять силою власть было невозможно: за это офицерамъ грозила смерть; подойти ближе къ солдатамъ офицеры сначала не умѣли, да и не могли—имъ не вѣрили. И получилось необычайное явленіе: армія безъ вождей, т. е. толпа. И эта толпа на ю.-зап. фронтѣ, гдѣ напалъ непріятель, была сразу разгромлена имъ, хотя офицеры всегда были впереди и гибли массами. Были случаи, когда въ передовой цѣпи съ винтовками въ рукахъ были одни офицеры и унтеры-офицеры полка, а трехтысячная солдатская масса оставалась сзади, посмѣивалась надъ офицерами и охотно, безъ выстрѣла, сдавалась

*) У автора этихъ строкъ хранится изданная въ Петроградѣ 2 или *3* марта прокламація, гдѣ *всѣ* офицеры именуются «Романовской шайкой», армія призывается смѣщать ихъ и вручать власть ротнымъ, батальоннымъ и полковымъ комитетамъ.

въ плѣнъ германцамъ. Гибель тысячъ офицеровъ, разруха въ арміи всецѣло должны лежать на совѣсти русской революціи. А между тѣмъ революція не имѣла никакого права всю массу современнаго офицерства считать неблагонадежными—для революціи. Наоборотъ, мало-мальски думающій человѣкъ долженъ былъ бы признавать офицерство въ массѣ неблагонадежнымъ—для стараго порядка, а не для новаго. Это были уже *не тѣ* офицеры, на которыхъ могло бы опереться царское правительство. *Тѣ* офицеры, вымуштрованные, особо воспитанные, были давнымъ-давно перебиты, въ плѣну или окопались далеко въ тылу на спокойныхъ мѣстахъ. На лицо были «прапорщики» изъ студентовъ, гимназистовъ, семинаристовъ, учителей, земскихъ и др. служащихъ, адвокатовъ и т. п., т. е. все люди, настроенные демократически, въ массѣ отнюдь не защитники стараго порядка. И вотъ этимъ то демократически настроеннымъ офицерамъ русская революція предъ лицомъ всей Россіи, всего міра дала оглушительную оплеуху, обозвавъ все офицерство „Романовской шайкой". Это было по меньшей мѣрѣ не умно и ужъ во всякомъ случаѣ безумно несправедливо.

Но на этомъ революція не остановилась—она пошла и дальше въ дѣлѣ разрушенія арміи, пошла дальше, опираясь не теоретическія „соображенія".

Въ программахъ разнообразныхъ политическихъ партій выставлено требованіе: отмѣна постояннаго войска и замѣна его всенароднымъ ополченіемъ. Требованіе вполнѣ понятное. Войско не просто опора, но и самое основаніе государственной власти. Безъ войска постояннаго эта власть безсильна и для народа вполнѣ безопасна: у нея нѣтъ средствъ принудить народъ въ чемъ бы то ни было, нѣтъ средствъ посягнуть на права народа. Оружіе, при всенародномъ ополченіи, въ рукахъ всего народа, и онъ можетъ принудить любое правительство посту-

пать такъ, какъ онъ самъ желаетъ. Никакой классъ, тѣмъ болѣе, никакая группа гражданъ не могутъ захватить власти въ государствѣ: всякій другой классъ, всякая другая группа гражданъ оружіемъ воспрепятствуютъ первымъ. Но если оружіе будетъ въ рукахъ не постояннаго войска, а всего народа, то народъ, управляющійся демократически, и войско устроитъ демократически же, а не такъ, какъ войско устроено сейчасъ во всѣхъ государствахъ, гдѣ оно безпрекословно повинуется одному слову командующаго,

На основаніи этихъ и подобныхъ соображеній вожди и руководители русской революціи добились не только уничтоженія власти офицеровъ въ войскѣ, уничтоженія довѣрія къ нимъ солдатъ, но добились и учрежденія армейскихъ, корпусныхъ, полковыхъ и иныхъ комитетовъ, съ преобладаніемъ простыхъ солдатъ,-комитетовъ, которые стали вмѣшиваться во всѣ порядки арміи, въ боевые приказы и назначенія. По мысли творцовъ этихъ комитетовъ, такое управленіе арміей было вполнѣ «демократическимъ».

Можетъ быть и «демократическое», но несомнѣнно одно, что здѣсь былъ допущенъ рядъ очень грубыхъ ошибокъ. Реформа проходила очень гладко на бумагѣ, но не могла такъ же гладко пройти въ жизни, Реформа была очень нова, нигдѣ, во всемъ мірѣ, нѣтъ такого управленія въ войскахъ. Поэтому творцы ея не могли заранѣе, по опыту другихъ судить, выйдетъ ли что—нибудь изъ нея или ровно ничего не выйдетъ. Это—разъ. Существуетъ, далѣе, наука, называемая исторіей. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ строеніе государства, не мѣшаетъ заглядывать на ея страницы. А исторія говоритъ вотъ что: демократія прекрасно можетъ справляться съ государственными дѣлами; демократическое устройство страны—наиболѣе справедливое; но къ войску совершенно неприложимъ демократическій способъ устройства

и управленія, основанный на обмѣнѣ мнѣній болѣе или менѣе продолжительномъ. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти, гдѣ событія смѣняются съ головокружительной быстротой, гдѣ людьми руководитъ скорѣе всего не разумъ, а инстинктъ самосохраненія, тамъ нѣтъ мѣста разсужденіямъ собраній, массы, тамъ мѣсто только краткимъ и яснымъ приказамъ. Пелопонесская война была проиграна греками потому, что медлительный, тяжеловѣсный аппаратъ демократіи вмѣшивался въ теченіе дѣлъ военныхъ и хотѣлъ управлять ими. Это—два. А главное, такую новую, не основанную на опытѣ реформу нельзя было производить во время страшной войны, предъ лицомъ непріятеля. Заранѣе нужно было сказать себѣ: если реформа не удастся, войско разстроится, будетъ разбито, а страна погибнетъ. Подумали-ли объ этомъ творцы комитетовъ, неизвѣстно. Скорѣе всего—нѣтъ; они поступили чисто по—русски, т. е. на «авось». Въ результатѣ—разложеніе арміи, ея частичный разгромъ. Далѣе, необходимо было учесть заранѣе сознательность войсковой массы. Масса арміи оказалась малосознательной, некультурной. Офицерство-мозгъ арміи, войско—руки этого мозга. Мозгъ уничтожили, остались однѣ малосознательныя руки,—что же могло хорошаго выйти изъ этого? Ничего!

А дальше еще хуже. Въ армію широкой волной хлынула «политика». Каждая политическая партія несла сюда свое ученіе и старалась уловить въ ея рядахъ какъ можно болѣе себѣ послѣдователей. Разсчетъ былъ здѣсь простъ и ясенъ. Если армія вступитъ въ ряды политическихъ партій, враждебныхъ старому порядку, это будетъ хорошо: контръ—революція не можетъ произойти. Соображеніе вѣрное, но плохо было то, что армія всецѣло занялась политикой, бросила свое настоящее дѣло, перестала даже готовиться къ нему и въ концѣ концовъ оказалась никуда негодной. Еще хуже

было то, что армія разбилась, какъ и вся страна, на партіи, не только несогласныя между собою, но и прямо враждебныя. Могли быть и были такіе случаи, когда одна часть, принадлежащая къ опредѣленной политической партіи, не поддерживала другой части, принадлежащей къ иной политической партіи. Если, по мнѣнію французовъ, и въ мирное время внесеніе въ ряды арміи политики неумѣстно, такъ какъ плохо дѣйствуетъ на армію, тѣмъ болѣе неумѣстно это въ военное время: политика можетъ повести къ разгрому—она и повела...

Всего хуже, всего сильнѣе отозвалось на арміи ученіе интернаціонала—международнаго союза фабрично—заводскихъ рабочихъ. Этотъ союзъ когда—то поставилъ себѣ простую и ясную цѣль—взаимная поддержка рабочихъ разныхъ странъ, такъ какъ положеніе рабочихъ вездѣ одинаково и интересы ихъ всегда тожественны—они добиваются вырваться изъ—подъ гнета капиталистовъ. Позднѣе цѣль союза значительно расширилась: рабочіе начали мечтать о томъ, что они, захвативъ власть въ своемъ государствѣ, введутъ въ немъ новый, соціалистическій строй, помогутъ рабочимъ другихъ странъ сдѣлать то же самое, разрушатъ перегородки, раздѣляющія государства между собою, заставятъ всѣхъ людей слиться въ одинъ братскій, мирный союзъ, совершенно исключающій возможность войнъ. Если судить съ точки зрѣнія христіанства, въ этой отдаленной цѣли интернаціонала не было ничего дурного: и христіанство желаетъ вездѣ установить миръ, любовь между людьми и слить человѣчество въ одинъ братскій союзъ. Правда, есть разница въ средствахъ—рабочіе всего этого хотятъ достигнуть силой, христіанство—путемъ нравственнаго перевоспитанія человѣка,—но цѣль, повторяемъ, одна у обоихъ. Передъ войной интернаціоналъ жилъ и дѣйствовалъ, добиваясь своихъ цѣлей, но какъ только началась

война, интернаціоналъ погибъ: въ рабочихъ заговорилъ патріотизмъ и чисто шкурные интересы. Вѣдь, если побѣдитъ одна страна, въ ней чрезвычайно разовьется промышленность, рабочіе будутъ въ лучшемъ положеніи; будетъ эта страна побѣждена, ея промышленность можетъ пропасть и рабочіе здѣсь будутъ выкинуты на улицу на голодъ и холодъ. Изъ патріотизма и чисто шкурныхъ интересовъ рабочіе Франціи, Англіи, Германіи и т. д. начали истреблять другъ друга. Призывы немногихъ, оставшихся вѣрными ученію интернаціонала, не имѣли никакого успѣха. Рабочіе ревностно, не за страхъ, а за совѣсть поддерживали свои правительства, давали имъ деньги, на фабрикахъ и заводахъ приготовляли безконечное количество всевозможныхъ средствъ и орудій истребленія другъ друга, а въ рядахъ армій, вопреки международнымъ законамъ, допускали страшныя жестокости въ отношеніи другъ къ другу.

Интернаціоналъ фактически погибъ. Но вотъ началась русская революція и одною изъ первыхъ цѣлей она поставила возрожденіе интернаціонала. Прежде чѣмъ устроить свою родину, прежде чѣмъ обезпечить завоеванія революціи, прежде чѣмъ оберечь Россію отъ военнаго разгрома, революція рѣшила: рабочіе воюющихъ государствъ должны протянуть другъ другу руки, силой принудить свои правительства сложить оружіе и заключить міръ „безъ аннексій и контрибуцій". Это рѣшеніе было ошибочно. Если рабочіе разныхъ странъ съ такимъ, можно сказать, удовольствіемъ истребляли другъ друга, призывъ русской революціи очень былъ неубѣдителенъ, тѣмъ болѣе, что въ войнѣ были замѣшены шкурные интересы рабочихъ и естественное чувство патріотизма, которое нельзя однимъ простымъ словомъ увѣщанія искоренить изъ души человѣка. Это—съ одной стороны. Съ другой стороны, русская революція совершенно ошибочно

преувеличила силы рабочихъ. Воюющія страны вовсе не населены исключительно рабочими, въ нихъ только часть населенія—рабочіе, иногда очень незначительная. Слѣд., рабочіе, если бы и пришли къ рѣшенію протянуть другъ другу руки, они не смогли бы остановить войну: другая, большая часть населенія могла бы и не пожелать мира, могла бы воспротивиться всѣмъ притязаніямъ рабочихъ. Такъ оно въ дѣйствительности и вышло: посланіе русской революціи о мирѣ было разослано всѣмъ, большинство рабочихъ разныхъ странъ вовсе не нашло его для себя убѣдительнымъ, а война продолжалась. Но не принеся никакой пользы дѣлу мира, посланіе принесло вредъ Россіи. Въ русскія войска, измученныя въ окопахъ холодомъ, голодомъ, войска малосознательныя, войска, изстрадавшіяся отъ продолжительной войны, были кинуты слова: долой войну! Скорѣе миръ! Войска, въ массѣ, приняли этотъ призывъ съ восторгомъ и готовы были тотчасъ выполнить его. Частью люди искренніе, а частью тайные сторонники царскаго правительства, частью нѣмецкіе шпіоны показали, какъ можно скоро добиться мира: нужно „брататься" съ нѣмцами. И русскіе солдаты стали „брататься". Нѣмцы, съ готовностью на лицѣ и съ издѣвательствомъ надъ русскими въ сердцѣ, тоже стали „брататься". Это было для нихъ выгодно: они могли обратиться противъ англичанъ и французовъ, разбить ихъ, а потомъ обратиться къ „братьямъ"—русскимъ и покончить съ ними. Такъ они и поступили, обрушились на Францію. А когда русское правительство, видя неминуемую бѣду и грядущій позоръ, стало говорить о необходимости продолжать войну, стало звать войска къ наступленію, пошли впередъ немногіе, а масса предпочла остаться на мѣстѣ и не бить нѣмецкихъ „братьевъ". Тогда нѣмецкіе „братья" сами поколотили русскихъ, часть которыхъ побѣжала съ полей сраженій. Случился неслыханный позоръ

и разгромъ. И до сихъ поръ масса солдатъ находится подъ обаяніемъ рѣчей о мирѣ, о братствѣ съ нѣмцами, сражается неохотно или совсѣмъ не сражается. А нѣмцы добиваютъ нашего несчастнаго союзника—Румынію. Какъ видимъ, русская революція по отношенію къ арміи надѣлала массу ошибокъ, а въ результатѣ этихъ ошибокъ армія стала малоспособной продолжать войну и защищать родину. Но судьба родины связана теперь съ судьбой революціи. Если родина не будетъ защищена, погибнетъ революція и ея завоеванія, столь дорогія для русскаго народа. Побѣдитель—нѣмецъ установитъ у насъ на Руси такой строй, какой ему выгоденъ, а ему выгоденъ вовсе не республиканскій, а старый царскій строй. Это прекрасно поняли слуги стараго порядка, которые и начали травить офицеровъ, развращать армію, проповѣдывать ей миръ: армія развалится и будетъ разбита, старый строй восторжествуетъ и наградитъ тѣхъ, кто работалъ для него. И они почти достигли своей цѣли...

Вотъ одна изъ причинъ настоящей и грядущей гибели Россіи: неудачно перестроенная армія, лишившаяся довѣрія къ офицерамъ, съ мыслями, направленными на миръ, а не на войну, пока что—гибельную для Германіи и спасительную для Россіи. Насколько спасительна, объ этомъ хорошо сказалъ А. Ф. Керенскій: „Будь проклятъ тотъ, кто скажетъ, чтобъ мы прекратили бой сейчасъ!“

X.

По епархіи.

По вопросу о взносахъ съ церквей на содержаніе духовно—учебныхъ заведеній.

(Матеріалъ для собесѣдованія по этому вопросу съ міряками).

Въ настоящее время обозначилось довольно ярко оппозиціонное настроеніе крестьянства по вопросу объ ассигнованіи церковныхъ денегъ на духовно-учебныя заведенія. По разнымъ епархіямъ состоялись съѣзды духовенства и мірянъ, на которыхъ обсуждался вопросъ и о томъ, какъ содержать духовно-учебныя заведенія. Хотя при голосованіи міряне оставались въ меньшинствѣ и вопросъ о содержаніи духовно-учебныхъ заведеній большинствомъ голосовъ разрѣшался въ благопріятномъ для духовной школы смыслѣ, тѣмъ не менѣе и при такихъ утѣшительныхъ постановленіяхъ нельзя поручиться за правильный ходъ учебнаго дѣла въ наступающемъ учебномъ году. Вѣдь, что ни говорите, а нужно сознаться, что судьба духовно-учебныхъ заведеній въ настоящій моментъ находится въ рукахъ именно мірянъ. А у послѣднихъ, въ подавляющемъ большинствѣ, одна пѣсня: «какъ вы не рѣшайте, а денегъ съ церквей на духовную школу не дадимъ». Депутаты—міряне на Пензенскихъ епарх. съѣздахъ открыто заявляли: «*міръ* наказалъ намъ денегъ на школу не давать». Въ этомъ духѣ они и голосовали,

Значитъ, и имѣя въ рукахъ бумажный протоколъ, нужно всетаки на мѣстахъ что—нибудь предпринимать, дабы размягчить сердца мірянъ и нѣсколько смягчить ихъ непримиримую позицію въ отношеніи духовно-учебныхъ заведеній. Подобную миссію, по справедливости, должно принять на себя епархіальное духовенство, какъ наиболѣе заинтересованное въ судьбѣ

духовной школы и наиболѣе близко стоящее къ православному русскому населенію.

Что же и какъ духовенство должно говорить своимъ пасомымъ? Прежде всего, оно должно разъяснять мірянамъ высокое просвѣтительное значеніе духовно-учебныхъ заведеній, изъ которыхъ въ теченіе столѣтій льется по святой Руси свѣтъ Христова ученія, который и во тьмѣ свѣтитъ и который одинъ только принесетъ нашей истомленной родинѣ свободу, равенство и братство. Нужно потомъ разъяснять мірянамъ, что духовно-учебныя заведенія—собственность церковная, собственность всего православнаго русскаго народа, который создалъ эти школы вмѣстѣ съ храмами. Отцы ихъ и дѣды создали духовно-учебныя заведенія на церковныя копѣйки. Стоитъ только посмотрѣть на зданія духовно-учебныхъ заведеній, чтобы видѣть, что всѣ эти церковныя копѣйки цѣлы, ничего не растрачено; напротивъ, копѣйки превратились въ громадные, милліонные капиталы, и все это богатство принадлежитъ всѣмъ русскимъ православнымъ гражданамъ. Теперь подошло время или продолжать дѣло отцовъ и дѣдовъ, которое они творили съ великимъ разумомъ, или отказаться отъ богатаго вѣкового наслѣдства, пожалѣть церковныя копѣйки на святое дѣло воспитанія дѣтей въ духѣ Христовой вѣры.

Далѣе. Жажда знанія, стремленіе къ школьному образованію широкой волной разливается по лицу земли русской, съ каждымъ годомъ все глубже и глубже проникая въ самую толщу народную. Замѣтно растутъ низшія и среднія школы разныхъ вѣдомствъ и типовъ, но ихъ ростъ не поспѣваетъ за развитіемъ стремленія къ образованію, почему за стѣнами этихъ школъ ежегодно остаются тысячи алчущихъ и жаждущихъ, кои не могутъ утолить своего духовнаго голода. Кому неизвѣстно, съ какими трудностями открываются двери школъ

для дѣтей? Кто не читалъ ежегодныхъ сообщенiй о тѣхъ ужасныхъ конкурсахъ, которые приходится устраивать въ виду громаднаго наплыва желающихъ получить образованiе и крайне ограниченнаго числа вакансiй въ школахъ? Однимъ словомъ, наши школы тѣсны для русской молодежи и много требуется школъ, чтобы въ многомиллiонномъ русскомъ народѣ была удовлетворена потребность знанiя. Если мы обратимся къ переживаемому времени, то должны сказать, что совершившiйся государственный переворотъ даетъ новый толчекъ къ развитiю просвѣщенiя, и потребность въ каждой лишней школѣ становится еще ощутительнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, народъ сбросилъ съ себя оковы, вступилъ на путь свободнаго развитiя, на путь самоопредѣленiя. Но мыслимъ ли этотъ путь безъ образованiя народныхъ массъ? Свободы нѣтъ безъ знанiя, безъ просвѣщенiя. Мы видимъ, что нашу молодую демократiю окружили со всѣхъ сторонъ темныя силы и внушаютъ ей отовсюду не созидательныя, а разрушительныя идеи: шпiоны, анархисты, большевики, контръ-революцiонеры, фантазеры, болтуны и просто мошенники, какъ сѣтями, опутали русскаго человѣка, затемнили его здравый разумъ, не разберется онъ: гдѣ правда, гдѣ ложь, и не находитъ выхода, потому что выходъ только одинъ—долгiй путь просвѣщенiя, какъ писалъ русскiй поэтъ свободы, когда рухнуло крѣпостное право:

„*Воля, братцы, это только первая ступень въ царство мысли, гдѣ сiяетъ вѣковѣчный день*“ (Майковъ).

Какъ же послѣ этого русской трудящейся демократiи не дорожить духовно-учебными заведенiями!? Наша интеллигенцiя, въ большинствѣ случаевъ, равнодушна къ духовной школѣ, и это потому, что она обезпечена образованiемъ для своихъ дѣтей въ учебныхъ заведенiяхъ министерства народнаго просвѣщенiя и другихъ. Но вѣдь широкiя массы тру-

дящагося народа далеко не обезпечены такими школами, гдѣ бы онъ могъ давать своимъ дѣтямъ, напр., среднее образованіе и даже выводить ихъ на дорогу къ высшему образованію. Эту роль для народа свободной Россіи могутъ сыграть, болѣе другихъ, духовно-учебныя заведенія, и потому именно, что они русской демократіи ближе и доступнѣе, чѣмъ всякія другія. Пояснимъ эту мысль. По закону 12 іюля 1913 года, изданному Государственной Думой, обученіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ сдѣлано безплатнымъ, что для неимущихъ классовъ далеко не безразлично. Затѣмъ, громадное преимущество духовно-учебныхъ заведеній предъ свѣтскими заключается въ томъ обстоятельствѣ, что при духовно-учебныхъ заведеніяхъ имѣются интернаты или общежитія. Подъ эти общежитія отведены большія помѣщенія. Съ годами общежитія оборудованы разнаго рода службами; помѣщаются они на большихъ усадьбахъ, снабжены инвентаремъ и служебнымъ персоналомъ. Въ то время, какъ при пансіонахѣ при гимназіяхъ (каковыхъ пансіоновъ очень немного въ Россіи) содержаніе пансіонеровъ даже въ мирное время едва ли гдѣ было дешевле 300 рублей, въ духовно—учебныхъ заведеніяхъ содержаніе каждаго пансіонера (столомъ, квартирой и спальными принадлежностями) до войны исчислялось всего только до 60—80 рублей въ годъ. Правда, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ питаніе простое, но зато здоровое и вполнѣ сродное сельскому жителю, еще не избаловавшему своего желудка. Такимъ образомъ получается, что въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ всѣмъ безъ различія православнымъ гражданамъ обезпечено и безплатное обученіе и дешевое содержаніе въ общежитіяхъ. Это громадная выгода для сельской демократіи, для нашего крестьянства, составляющаго до 80% всего населенія въ Россіи. Среднее образованіе для крестьянскихъ дѣтей, съ среднимъ достаткомъ родителей, немыслимо

безъ духовно-учебныхъ заведеній, какъ оно немыслимо и для сельскаго духовенства. Но сказаннаго недостаточно. Необходимо указать еще на одну исключительность духовно-учебныхъ заведеній между другими школами. Она состоитъ въ томъ, что въ духовно—учебныхъ заведеніяхъ находятъ себѣ пріютъ многочисленные сироты, получающіе здѣсь не только воспитаніе и образованіе, но и полное содержаніе съ одеждой и обувью на церковныя средства. Это особенно нужно учесть въ настоящее время, когда надвинулась громадная народная повинность дать воспитаніе и образованіе дѣтямъ—сиротамъ воиновъ, погибшихъ на поляхъ міровой войны за отчизну, за свободу дорогой намъ родины. Русская демократія, давшая наибольшій % воиновъ на защиту родины, имѣетъ преимущественное право воспользоваться сиротскими вакансіями въ духовно—учебныхъ заведеніяхъ, содержимыми на церковныя средства. И духовная школа, пріютившая бѣдныхъ сиротъ нашихъ героевъ, павшихъ въ борьбѣ за родину, за свободу, помимо того что исполнитъ свой священный долгъ, тогда оправдается въ глазахъ мірянъ, сѣтующихъ на то, будто бы церковныя деньги идутъ исключительно на „поповскихъ“ дѣтей.

Духовно—учебныя заведенія кромѣ своей доступности въ матеріальномъ отношеніи для русской демократіи еще и ближе послѣдней. Это вотъ что значитъ. Въ послѣднее время въ духовную школу устремились съ своими дѣтьми разнообразные слои нашей демократіи и заняли въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ сравнительно почетное мѣсто. А по окончаніи войны съ возрастаніемъ народнаго самосознанія эта демократическая волна еще болѣе усилится. Если теперь принять во вниманіе, что и дѣти духовенства въ духовно—учебныхъ заведеніяхъ, въ большинствѣ случаевъ, дѣти псаломщиковъ, діаконовъ и въ меньшинствѣ сельскихъ священниковъ (городскіе священники своихъ дѣтей больше обу-

чаютъ въ гимназіяхъ), то станетъ ясно, что духовно—учебныя заведенія раньше другихъ уже стали по составу учащихся демократическими.

Такъ, значитъ, духовенство на мѣстахъ должно говорить, что духовно—учебныя заведенія необходимо поддержать, такъ какъ они нужны наиболѣе всего необезпеченнымъ слоямъ населенія, они нужны народу, не буржуазіи, а демократіи, которая теперь должна самостоятельно выступить въ Россіи на путь просвѣщенія. Сама демократія должна дорожить духовно—учебными заведеніями въ своихъ же собственныхъ интересахъ и потому не жалѣть церковныхъ средствъ на эти заведенія. Лишеніе духовно—учебныхъ заведеній церковныхъ средствъ теперь же равносильно ихъ закрытію. Но можно ли съ легкимъ сердцемъ пойти на такое дѣло? Если теперь, говорятъ, нужно съ особенною радостью привѣтствовать даже всякую инициативу въ дѣлѣ просвѣщенія, то ничѣмъ нельзя оправдать закрытіе цѣлаго ряда устроенныхъ и хорошо налаженныхъ школъ, учащіеся въ которыхъ будутъ поставлены въ безвыходное и тяжелое положеніе. А вѣдь эти учащіеся, можно сказать, плоть отъ плоти и костъ отъ костей той же самой русской демократіи, которая такъ ополчилась на духовную школу. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ міряне, уступая настойчивымъ просьбамъ духовенства, соглашались давать церковныя средства до конца текущаго года и даже до конца наступающаго учебнаго года. Упоминалось и Учредительное Собраніе, какъ предѣльный срокъ церковныхъ взносовъ на духовно-учебныя заведенія. Необходимо выяснить мірянамъ, что государство наше истощено войной, казна опустѣла, а впереди еще много, много дѣлъ. Не справиться казнѣ со всѣмя дѣлами. А потому требуется осторожность въ разсужденіи о времени прекращенія средствъ на духовно—учебныя заведенія изъ церковныхъ доходовъ.

Приблизительно вотъ какія мысли должно развивать духовенство при собесѣдованіи съ мірянами по вопросу о взносахъ съ церквей на духовно—учебныя заведенія. Не лишне будетъ совѣтовать и убѣждать мірянъ, чтобы они везли своихъ дѣтей въ духовную школу, растолковывать, что послѣдняя —всесословная школа, а не школа для „поповскихъ" дѣтей, что церковная копѣйка можетъ достаться дѣтямъ мірянъ и т. д.

Попутно не лишне познакомить мірянъ и съ исторіей происхожденія обложенія церквей на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній и на другія учрежденія духовнаго вѣдомства. Можно съ увѣренностью сказать, что міряне совершенно не разбираются въ этомъ вопросѣ и дѣло представляютъ просто: духовенство во главѣ со своими епископами незаконно, какъ бы захватнымъ порядкомъ, присвоило себѣ право облагать церкви на собственныя нужды. На самомъ же дѣлѣ исторія происхожденія церковныхъ взносовъ на духовно—учебныя заведенія и другія учрежденія духовнаго вѣдомства говоритъ за то, что духовенство имѣло и юридическое и нравственное право на тѣ привиллегіи, какими до сихъ поръ пользовалось. Разъяснимъ эту мысль.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II у духовнаго вѣдомства были отобраны въ казну земли съ жившими на нихъ крѣпостными крестьянами, подаренныя въ разное время благочестивыми людьми приходскимъ церквамъ и монастырямъ. Каждому причту было оставлено только 33 десятины земли. Казна причинила церкви убытку на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей. Въ возмѣщеніе этихъ убытковъ казна обѣщала платить на нужды духовнаго вѣдомства по $1^1/_2$ руб. съ каждой крѣпостной души, отошедшей въ казну. Въ добавленіе къ этому пособію, отпускавшемуся казной духовному вѣдомству, значительно позже, въ царствованіе Александра

I-го, *духовенству было дано право пользоваться еще извѣстнымъ %-омъ съ церковныхъ доходовъ.* Дѣло въ томъ, что на Руси къ этому времени появились высшія учебныя заведенія (университеты, медицин. академія и др.) и поставщикомъ лучшихъ учениковъ въ эти школы и вообще хорошей подготовительницей юношества къ разнымъ поприщамъ государственной службы оказалась духовная школа. Вотъ почему и *было признано цѣлесообразнымъ въ интересахъ общественныхъ всячески поддержать духовную школу.* Послѣдняя же хотя и служила въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій *единственнымъ* источникомъ распространенія на Руси и грамотности и просвѣщенія, не имѣла устойчиваго положенія вслѣдствіе отсутствія опредѣленныхъ средствъ на ея содержаніе. Духовныя школы на Руси долгое время заводились, устраивались и содержались безъ всякаго особеннаго отъ правительства пособія, распоряженіемъ епархіальныхъ архіереевъ, изъ доходовъ домовыхъ ихъ вотчинъ. Этотъ источникъ, и другіе ему подобные (монастыри), какъ зависѣвшіе отъ личнаго усмотрѣнія и произвола, были внѣ сомнѣнія, не прочны, а вслѣдствіе ежегоднаго прироста въ духовной школѣ и недостаточны. Потому не разъ возникала мысль доставить духовнымъ училищамъ постоянный окладъ, но.....далѣе мысли дѣло не шло. Съ отобраніемъ при Екатеринѣ II церковныхъ вотчинъ отпало и то, что служило и для содержанія духовныхъ училищъ. Тогда изъ общей суммы пособія, отпускавшагося казной на нужды духовнаго вѣдомства (по $1^{1}/_{2}$ руб. съ души), часть была выдѣлена на нужды духовно—учебныхъ заведеній. Это пособіе съ 38 тыс. рублей къ царствованію Александра I достигло до 180 тыс. И такая сумма на 4 духовныя академіи, 36 семинарій и 115 духовныхъ училищъ! Положеніе духов-

ной школѣ нельзя было признать нормальнымъ, между тѣмъ какъ она въ это время, какъ упомянуто выше, проявила свою правоспособность и цѣнность. Казна не прочь бы помочь духовной школѣ, да у нея не оказалось самаго главнаго— денегъ: *Россія была разорена рядомъ войнъ.* И вотъ нашелся выходъ: особый комитетъ, которому была поручена разработка проекта „о усовершеніи духовныхъ училищъ", указалъ такой источникъ, расходованіе котораго не ложилось на населеніе налоговымъ бременемъ. *Духовенству было дано право отчислять на содержаніе духовно--учебныхъ заведеній извѣстный $^0/_0$ съ церковной доходности отъ продажи восковыхъ свѣчей и тарелочнаго сбора.* Это право такъ и осталось за духовенствомъ до сего времени, въ виду необезпеченія духовенства опредѣленнымъ, прочнымъ и достаточнымъ содержаніемъ.

Вотъ вкратцѣ исторія происхожденія церковныхъ взносовъ на духовно—учебныя заведенія. Скажите; справедливы ли нареканія на духовенство за поборы съ церквей? Пользованіе извѣстнымъ $^0/_0$-омъ съ церковной доходности на содержаніе духовно—учебныхъ заведеній является ли со стороны духовенства присвоеніемъ незаконнаго права? Юридически, т. е. съ точки зрѣнія требованія закона духовенство имѣло право на данныя ему привиллегіи. Но за нимъ должно быть признано и нравственное право. Вѣдь у духовенства были отобраны милліоны, а даны гроши. Если сравнить цѣнность того, что было взято отъ духовенства, съ тѣмъ, что дается, придется признать духовенство обиженнымъ.

Хотѣлось бы вѣрить и надѣяться, что собесѣдованіе духовенства съ мірянами по затронутому нами вопросу, собесѣдованіе мирное, тихое, чуждое рѣзкихъ и страстныхъ выходокъ съ той и другой стороны и предубѣжденіи со стороны мірянъ, уяснитъ дѣло и духовныхъ и мірянъ, расколо-

вшихся на два непримиримыхъ лагеря, приведетъ къ единомыслiю.

Петръ Великiй создалъ „дубинку“, чтобы загонять дѣтей въ школы. Не можетъ быть, чтобы граждане свободной Россiи, вѣрующiе мiряне, создали новую „дубинку“ для изгнанiя дѣтей изъ школъ. Позоръ передъ исторiей да удержитъ ихъ отъ этого!

В. М.

Общеепархiальное собранiе духовенства отъ 14-го августа 1917 г. и Уставъ профес. Союза духовенства Пензенской епархiи.*)

14-го августа сего 1917 года, по окончанiи епархiальнаго съѣзда духовенства и мiрянъ, общеепархiальнымъ собранiемъ духовенства изъ о. о. депутатовъ съѣзда—священниковъ, дiаконовъ и псаломщиковъ былъ заслушанъ и принятъ Уставъ профес. Союза духовенства. По отношенiю къ профес. Союзу общеепархiальное собранiе 14-го августа явилось собранiемъ учредительнымъ, и профес. Союзъ духовенства Пенз. епархiи, по зарегистрированiи его подлежащею гражданскою властью и полученiи благословенiя правящаго епископа, можно считать, такимъ образомъ, открытымъ и дѣйствующимъ.

Основныя положенiя принятаго Устава, устанавливающiя цѣли Союза, внѣшнюю организацiю, права и обязанности постоянныхъ органовъ Союза и ихъ взаимныя отношенiя,

*) Примѣч. Въ виду возможной задержки по отпечатанiю и разсылкѣ *Устава* въ его полномъ видѣ, сообщаются только важнѣйшiя положенiя Устава, необходимыя для скорѣйшаго проведенiя въ жизнь.

изложены въ 15 и 16 №№ Епарх. Вѣд. за іюль и августъ с/г. въ статьѣ „Къ вопросу о профес. Союзѣ“, каковая статья въ отмѣченныхъ пунктахъ и можетъ служить руководствомъ для духовенства до отпечатанія Устава въ его полномъ видѣ.

Какъ нѣкоторыя видоизмѣненія и добавленія въ Уставѣ, сравнительно съ указанною статьею, а равно какъ и совершенно новыя положенія, должно отмѣтить слѣдующія:

а) благочиннические церковно-административные округа близко расположенные, при удобствахъ сообщенія, для образованія профес. Союза могутъ между собою соединяться и, такимъ образомъ, могутъ быть: „профес. Союзъ 1-го и 2-го благочин. округа“, „3-го и 4-го“ и т. д.

б) Профес. уѣздные Союзы называются уѣздными отдѣленіями профес. Союза духовенства Пенз. епархіи.

в) Постоянные органы профес. Союзовъ носятъ названіе Правленій.

г) Средства Союза составляются изъ единовременнаго и ежемѣсячныхъ членскихъ взносовъ трехъ разрядовъ: по первому разряду (священники) единовременный взносъ—6 руб., по второму (діаконы)—4 руб. и третьему (псаломщики)—2 руб. Ежемѣсячные взносы—2% отчисленіе изъ кружки братскихъ доходовъ.

д) Средства Союза назначаются, главнымъ образомъ, въ помощь лицамъ, пострадавшимъ отъ насильственнаго выселенія изъ приходовъ, причемъ сдѣлавшіе взносы по первому разряду получаютъ ежемѣсячно 100 руб., по 2-му—75 руб. и 3-му—50 руб.

е) Уѣздныя отдѣленія Союза въ предѣлахъ уѣзда своими средствами распоряжаются самостоятельно, представляя только въ Епархіальное Правленіе ежемѣсячныя свѣдѣнія о

состояніи денежной кассы и годичный отчетъ.

Помимо приведенныхъ важнѣйшихъ положеній, наиболѣе необходимыхъ для скорѣйшаго проведенія въ жизнь, въ Уставѣ находятся также и другія положенія, разъясняющія и дополняющія смыслъ основныхъ; кромѣ того, къ Уставу прилагаются правила согласованности членовъ: а) въ дѣлѣ защиты вѣры и Православной Церкви, б) въ дѣлѣ государственнаго строительства, в) въ дѣлѣ защиты служебныхъ и имущественныхъ правъ и интересовъ духовенства, г) правила о профес. судѣ и судѣ чести.

Одновременно съ принятіемъ Устава, общеепархіальное собраніе духовенства произвело выборы членовъ главнаго постояннаго органа профес. Союза—Епарх. Правленія изъ лицъ, живущихъ въ городѣ Пензѣ. Избраны: преподаватели семинаріи С. В. Ильминскій, А. Л. Хвощевъ, свящ. П. К. Медвѣдевъ, препод. С. А. Успенскій, свящ. А. П. Кипарисовъ, свящ. П. М. Сардинскій, псаломщикъ П. Е. Набоковъ, протодіаконъ В. В. Смирновъ, псаломщикъ П. А. Нечаевъ и столоначальникъ консисторіи Е. И. Степановъ. Кромѣ избранныхъ, членами Епархіальнаго Правленія Союза, согласно Уставу, являются также и представители уѣздныхъ отдѣленій Союза по одному отъ каждаго уѣзда.

Тѣмъ же общеепархіальнымъ собраніемъ духовенства въ протоколѣ № 2, за подписомъ всѣхъ присутствовавшихъ членовъ собранія, выражено пожеланіе, чтобы на изданіе необходимыхъ для народа общедоступныхъ чтеній—листовъ по вопросамъ политическимъ и религіознымъ, въ приложеніи къ Епарх. Вѣд., Совѣтомъ Иннокентіевскаго Братства было отпущено до 300 руб., каковую сумму слѣдуетъ передать Редакціонному Комитету Епарх. Вѣд.

О занятіяхъ въ духовной семинаріи въ 1917—18 уч. .году.

Съѣздъ духовенства и мірянъ епархіи, происходившій 8—13 Августа, полностью принялъ, по докладу особой комиссіи, проектъ Правленія семинаріи объ организаціи занятій въ духовно—учебныхъ заведеніяхъ г. Пензы въ 1917—18 уч. году. Несмотря на протесты семинаріи зданіе ея занято подъ лазаретъ земскимъ союзомъ. Предъ Правленіемъ встала задача—что дѣлать: прекратить—ли на годъ ученіе или найти зданіе, гдѣ могли бы помѣщаться классы и интернатъ. Такого зданія въ Пензѣ найти нельзя, а если бы и удалось найти, у Правленія не будетъ средствъ для найма подобнаго зданія. Оставалось, очевидно, найти подходящее зданіе среди принадлежащихъ духовному вѣдомству. Остановились сначала на зданіяхъ Епархіальнаго женскаго училища. Они могли бы вмѣстить всю семинарію, если бы всѣ полностью поступили въ распоряженіе Правленія. Но этого не могло быть: наемное Швецовское зданіе отбирается городомъ обратно. Значитъ, семинарія можетъ заниматься въ зданіяхъ училища не со всѣми классами, а посмѣнно: сначала одни, потомъ другіе. Но въ такомъ случаѣ Епархіальное училище должно было бы остаться безъ зданія и прекратить ученіе на цѣлый годъ. На это Правленіе семинаріи пойти не могло и потому пришлось отказаться отъ плана воспользоваться зданіями училища. Тогда Правленіе остановило свое вниманіе на зданіяхъ Пензенскаго духовнаго училища. Зданія, правда, не велики: здѣсь лишь 5—6 классныхъ комнатъ и помѣщеніе для общежитія на 110—120 человѣкъ. Слѣд., если занять эти зданія, семинарія не могла бы заниматься въ нихъ со всѣми 10 классами и помѣстить въ нихъ общежитіе на 220—250 челов. Но семинарія такой цѣли и не преслѣдовала. Она

знала, что духовенство не можетъ содержать въ теченіе цѣлаго года своихъ дѣтей въ городѣ, такъ какъ содержаніе каждаго воспитанника обошлось бы слишкомъ дорого, до 400 р., а духовенство не въ силахъ было бы заплатить такой суммы. Рѣшившись воспользоваться зданіями Пензенскаго дух. училища, Правленіе семинаріи тѣмъ самымъ предрѣшило, что оно будетъ заниматься не сразу со всѣми классами, а посмѣнно—сначала съ одними, потомъ съ другими. Что же касается Пензенскаго дух. училища, то Правленію казалось возможнымъ предложить ему заниматься посмѣнно съ Тихоновскимъ дух. училищемъ въ одномъ и томъ же зданіи (каменномъ корпусѣ) Тихоновскаго училища.

Этотъ планъ Правленіе семинаріи и предложило съѣзду, а съѣздъ принялъ его полностью. Но на этомъ Правленіе семинаріи не остановилось. Дѣло въ томъ, что при современной дороговизнѣ содержать дѣтей въ городѣ даже только 4—4½ мѣс. духовенство не въ силахъ: это стоило бы на каждаго воспитанника свыше 200 р. на одинъ столъ, безъ отопленія, освѣщенія, бани и т. д. Не могла бы содержать семинарія и „казенныхъ" воспитанниковъ, на которыхъ въ годъ отпускается всего по 115 руб. на столъ и одежду Необходимо было найти и указать средства помочь духовенству и семинаріи въ содержаніи воспитанниковъ. Такія средства были указаны. За помѣщеніе въ зданіи семинарскаго общежитія лазарета духовенству причитается получить за два года установленную закономъ плату. Эти деньги должны быть распредѣлены между воспитанниками (всѣми) по нуждѣ каждаго, какъ вспомоществованіе. Это первый источникъ. Второй источникъ—ежегодная субсидія на общежитіе изъ свѣчного завода. Часть этой субсидіи имѣетъ спеціальное назначеніе, а остовшаяся главная часть, около 4 т. руб., должна пойти, какъ плата съ воспитанниковъ—пансіонеровъ

за отопленіе, освѣщеніе, баню, ассенизацію и т. п. На помощь воспитанникамъ должно далѣе притти Общество вспомоществованія, имѣющее довольно большой капиталъ (свыше 40 т. р.) и ежегодные сборы съ духовенства. *Очевидно, духовенству слѣдуетъ возможно болѣе усилить эти взносы въ 1917—18 уч. году*. Вотъ денежные источники вспомоществованія воспитанникамъ.

Далѣе Правленіе семинаріи указало, что родители учащихся и сами учащіеся могли бы доставить семинаріи нетаксированные продукты: масло (всякое), яйца, горохъ, картофель, сушеные грибы и т. п. Эти продукты будутъ приниматься отъ воспитанниковъ по пензенскимъ городскимъ цѣнамъ и засчитываться имъ въ плату. Можно доставлять и таксированные—муку, крупу, пшено, со снятіемъ этихъ продуктовъ съ учета на мѣстахъ. Что касается платы за содержаніе, то Правленіе, въ виду колебанія цѣнъ, не рѣшилось опредѣлить ее заранѣе. Оно предложило поступитъ такъ: при поступленіи (всѣ воспитанники могутъ быть приняты въ общежитіе) взимать по 70 р. съ каждаго; по истеченіи мѣся-
...детъ подсчитано, сколько стоило содержаніе одного
... Положимъ, окажется 50 руб. Тогда воспитан-
...что онъ долженъ довнести за второй мѣ-
...мъ окажется лишнее, это лишнее
ца бу... полов. года; если окажется
воспитанник... второю половиною
нику объявляется, ... полов. года.
сяцъ 30 руб. Если пото... ...ѣздомъ
засчитывается въ плату за 2—ю
нехватка, недостающее вносится предъ
года. Такъ же поступать придется и во 2—ю ...

Всѣ эти предположенія и указанія приняты съ... полностью. Какъ увидитъ духовенство изъ объявленій, уже разосланныхъ по уѣздамъ, занятія въ семинаріи открываются 25 Авг. переэкзаменовками для всѣхъ классовъ, а съ 1 Сен... начнется ученье съ 1, 4 и 6 классами до 22 Октября; ... 2 съ

23 Октября приступаютъ къ занятіямъ 2, 3 и 5 классы и занимаются до Рождества. Послѣ Рождества снова вызываются 1, 4 и 6 классы до масляницы включительно, а съ поста— 2, 3 и 5 классы.

Правленіе семинаріи увѣрено, что если въ городѣ не будетъ настоящаго голода, можно будетъ достать муку и мясо, ученіе пойдетъ непрерывно, а содержаніе воспитанника обойдется не дороже предшествующаго года. Съ такими же перерывами намѣчены занятія въ училищахъ мужскихъ и женскомъ—они объявятъ объ этомъ подробно. Значитъ, учебный годъ не пропадетъ даромъ и не ляжетъ большой тяжестью на родителей учащихся. Правленіе лишь настойчиво приглашаетъ привозить всякіе, какіе только можно, съѣстные продукты и усилить взносы на Общество вспомоществованія нуждающимся воспитанникамъ.

Извѣстія и замѣтки.

Крестьяне объ изгнаніи Закона Божія изъ школы. На страницахъ Ц.—Об. Вѣстника и др. церковныхъ изданій передавались извѣстія о составленіи прихожанами разныхъ губерній приговоровъ—протестовъ противъ изгнанія Закона Божія изъ школы. Вотъ образчикъ такого приговора (с. Веселянки Таврической епархіи).

,,Газетныя статьи и существующіе толки о томъ, что въ начальныхъ школахъ будетъ упразднено преподаваніе Закона Божія, очень встревожили насъ По поводу означенныхъ толковъ и слуховъ 1 сего іюля въ оградѣ нашей церкви происходило многолюдное приходское собраніе, которое, по обмѣнѣ мнѣній, единогласно постановило просить Таврическое Начальство ходатайствовать предъ Временнымъ Пра-

вительствомъ о преподаваніи въ нашихъ начальныхъ школахъ Закона Божія, какъ предмета главнаго и обязательнаго для всѣхъ нашихъ православныхъ дѣтей. Мы желаемъ видѣть своихъ дѣтей добрыми, полезными и счастливыми гражданами, а для этого находимъ необходимымъ воспитывать ихъ въ духѣ нашей св. вѣры".

Другой подобный же приговоръ—протестъ (с. Софіевки Бердянскаго у.) направленъ непосредственно противъ петроградскихъ „непрошенныхъ законодателей"; которые, совершенно безъ вѣдома русскаго народа, составляютъ разные проекты, больно задѣвающіе интересы этого народа. Въ виду этого прихожане с. Софіевки, „любя своихъ дѣтей и заботясь объ ихъ спасеніи", „протестуютъ всѣми силами своей души противъ злого намѣренія (петроградскихъ законодателей) лишить дѣтскую душу животворящаго свѣта Божественнаго ученія Господа нашего Іисуса Христа".

Пастырямъ Пензенской епархіи слѣдовало бы, вчитавшись въ эти приговоры и воспользовавшись данными статьи „Изгнаніе религіи изъ школы" (Пен. Еп. Вѣд. 1917 г. № 16—17, стр. 478 и дал.), разъяснить своимъ паствамъ всю пагубность предположеннаго изгнаніи Закона Б. изъ школы, побудить приходы выразить протестъ, составить подобные вышеприведенному приговоры и направить ихъ или Временному Правительству или въ Мин. Нар. Просвѣщенія, при которомъ работаетъ Комитетъ „непрошенныхъ законодателей" по дѣламъ вѣры и Церкви.

Саратовскій епарх. Епископскій Совѣтъ объ изгнаніи священниковъ изъ приходовъ. Епископскій Совѣтъ, отмѣтивъ, что руководителями удаленія священниковъ изъ приходовъ въ большинствѣ случаевъ являются или небольшія группы враждебно настроенныхъ къ пастырю лицъ или даже отдѣльныя лица; что приговоры часто составляются

путемъ насилія этихъ группъ или лицъ надъ другими, съ ними несогласными; что во многихъ случаяхъ удаленіе пастырей подготовляется или низшими членами клира, стремящимися занять мѣсто священника или сослуживцами священника, преслѣдующими свои личные интересы,—вынесъ рядъ слѣдующихъ постановленій:

1) о всѣхъ случаяхъ удаленія священниковъ изъ приходовъ производить самое тщательное разслѣдованіе чрезъ вновь организованные въ округѣ благочиннические совѣты;

2) въ случаѣ выясненія агитаціонной дѣятельности членовъ клира противъ своихъ собратій съ цѣлью занять ихъ мѣсто или другихъ побужденій, таковымъ лицамъ не давать мѣста въ епархіи;

3) въ приходы, вынесшіе неправильно постановленные приговоры объ удаленіи священника, если послѣ обслѣдованія дѣла священникъ не будетъ возстановленъ, не назначать другого священника, а приписывать къ другимъ приходамъ, чтобъ этой мѣрой вразумленія привлечь ихъ къ большей осмотрительности въ рѣшеніи столь важнаго вопроса, который долженъ быть рѣшенъ по желанію всего прихода, а не происками отдѣльныхъ лицъ;

4) призвать всѣхъ членовъ клира къ тѣсному единенію между собою и взаимной поддержкѣ въ пору переустройства жизни и укрѣпленія новаго строя.

Пастырскій союзъ въ Саратовѣ. Еще въ іюнѣ мѣсяцѣ составилось собраніе священниковъ города съ цѣлью образованія особаго пастырскаго союза какъ городскихъ, такъ и сельскихъ священниковъ. Усилія увѣнчались успѣхомъ и союзъ былъ основанъ. Основныя цѣли союза: миссіонерская, чисто пастырская, правовая и текущаго момента; болѣе частныя цѣли – достиженіе болѣе полнаго сплоченія и единенія пастырей, моральная и матеріальная под-

держка другъ друга. По мысли основателей, союзъ ни въ коемъ случаѣ не будетъ исключать собою общаго объединеннаго союза духовенства и мірянъ епархіи. Въ особомъ воззваніи союзъ указываетъ, что одна изъ главныхъ цѣлей его дѣятельности—борьба за вѣру и Церковь въ виду распространенія въ народѣ невѣрія и безбожія. Эти явленія онъ иллюстрируетъ слѣдующими фактами: на югѣ въ одномъ селѣ какой то „гражданинъ" выкололъ на иконѣ св. Николая Чудотворца глаза, въ Кіево—Печерской Лаврѣ произошло надругательство надъ мощами, въ Саратовѣ въ Крестовой церкви грабители разбросали по полу св. запасные Дары. Имѣя въ виду этого рода факты, воззваніе, между прочимъ, говоритъ; „Пастырство, только въ объединеніи и тѣсномъ сплоченіи, можетъ выработать рѣшительныя мѣры борьбы противъ враждебныхъ Церкви силъ, отыскивать вѣрныя средства укрѣпленія колеблющихся чадъ, свободно, смѣло и мужественно сказать своимъ врагамъ: стой! это—святыня наша, не прикасайся до нея, своею кровью и страданіемъ мы защитимъ ее".

Прискорбная исторія въ Казани. Въ Казани образовался подобный же Саратовскому пастырскій союзъ, поставившій тѣ же цѣли своей дѣятельности. Недавно Казанскому пастырскому союзу пришлось пережить тяжелыя минуты. Дѣло было такъ. 27 Іюля во время проводовъ чуд. иконы Смоленской Божіей Матери прот. Гидасповъ, въ епитрахили, раздавалъ народу брошюры, изданныя Казанскимъ пастырскимъ союзомъ и, между прочимъ, брошюру „Что значитъ отдѣленіе Церкви отъ государства". Какой то военный чинъ предложилъ не раздавать послѣдней брошюры, протоіерей не послушался этого неожиданнаго цензора. Тогда его арестовали и подъ конвоемъ двухъ военныхъ чиновъ отвели, въ епитрахили, въ новое судебное и полицейское учрежденіе—

совѣтъ солд. и раб. депутатовъ. Здѣсь у него отобрали листокъ, какъ «черносотенный», «натравливающій одну часть населенія противъ другой», а самого отпустили. Затѣмъ представители совѣта отправились въ типографію и тамъ арестовали 9000 шт. этого листка. Союзъ пастырей г. Казани, освѣдомившись объ этихъ происшествіяхъ, рѣшилъ выразить протестъ противъ дѣйствій совѣта с. и р. депутатовъ и довести до свѣдѣнія прокурора Казанской судебной палаты съ просьбою произвести разслѣдованіе по поводу нарушенія ст. 1021 и 1023 уст. угол. судопр. и ст. 1213 и 1214 того же устава. 30 Іюля было собрано собраніе духовенства и мірянъ 1-го благоч. округа г. Казани. Здѣсь былъ прочитанъ указанный выше листокъ,—и всѣ бывшіе здѣсь міряне единогласно признали, что листокъ не содержитъ въ себѣ ничего контръ-революціоннаго, даже болѣе, за листокъ пастыри Церкви заслуживаютъ благодарности, каковую міряне и просили передать общему собранію союза пастырей, а протч. Гидаспову собраніе выразило глубокое сочувствіе. Обсудивъ затѣмъ всѣ обстоятельства дѣла, собраніе духовенства и мірянъ единогласно постановило: 1) просить прокурора Казан. окружнаго суда привлечь къ суду всѣхъ лицъ изъ совѣта с. и р. депутатовъ за самоуправство и ходатайствовать о снятіи ареста съ листка; 2) просить архіеп. Казанскаго о данномъ происшествіи довести до свѣдѣнія об.-прокурора Св. Синода; 3) просить пастырей г. Казани широко огласить среди своей паствы данное происшествіе.

Инцидентъ, конечно, очень печальный, но совершенно въ духѣ русской революціи, которая, свергнувъ одного самодержца, насажала на шею русскому народу нѣсколько десятковъ тысячъ новыхъ самодержцевъ, совершенно неуязвимыхъ для правосудія, несмотря на всѣ распоряженія Временнаго Правительства.

Новое устройство единовѣрія. На второмъ съѣздѣ «православныхъ старообрядцевъ» (единовѣрцевъ) рѣшено «единовѣрческую церковь» устроить слѣдующимъ образомъ. Всѣ единовѣрческія церкви распредѣляются между 7 или 8 епархіями, собразно числу митрополичьихъ округовъ, устанавливаемыхъ Русской Православной Церковью. Высшее управленіе единовѣрческой церковью должно сосредоточиваться въ рукахъ Московскаго единовѣрческаго архіепископа и совѣта Всероссійскихъ единовѣрческихъ съѣздовъ. Въ Москвѣ, по рѣшенію съѣзда, учреждается единовѣрческій богословскій институтъ, въ Петроградѣ—пастырскіе, а въ Тюмени—пѣвческіе курсы. Церковныя школы должны остаться въ полномъ распоряженіи единовѣрцевъ, подобно тому какъ старообрядческія школы Временнымъ Правительствомъ оставлены за старообрядцами.

Изложенный проектъ направленъ въ полную отмѣну правилъ м. Платона и въ осуществленіе давнихъ чаяній единовѣрцевъ объ учрежденіи среди нихъ особыхъ единовѣрческихъ епископовъ. Не касаясь существа изложеннаго проекта, отмѣтимъ лишь одно недоумѣніе: если единовѣрцы—*православные* старообрядцы (а это несомнѣнно), то какъ согласить съ канонами, что въ предѣлахъ одной и той же епархіи, положимъ, Московской или Владимірской, дѣйствуютъ *два православныхъ* епископа—новообрядческій и старообрядческій?

О страхованіи церквей и церковныхъ зданій. Въ Симбирской епархіи поднятъ вопросъ о синодальномъ страхованіи церквей и церковныхъ изданій. Отмѣчены любопытныя особенности этого страхованія: страховать преимущественно то, что не горитъ и оцѣнивать „не горящее“ дороже, „горящее“ же оцѣнивать какъ можно ниже; равнымъ образомъ, „остатки“ отъ пожаровъ оцѣниваются очень дорого. Подсчитано далѣе, что отдѣльныя епархіи вносятъ очень много въ

центральные управленіе. Такъ Симбирской епархіей за три года внесено до 80000 р., а получено за пожарные убытки около 40000 р., Тамбовской епархіей внесено 393 т. р., а получено 274 т. р., разность—почти 125 т. р. Въ виду этого возникъ проектъ: учредить въ каждой епархіи мѣстное страховое общество съ перестраховкой во Всероссійскомъ церковномъ взаимномъ страховомъ обществѣ, причемъ ввести въ составъ Правленія этого общества (нынѣ синодальнаго) представителей духовенства и мірянъ. Проектъ, въ его цѣломъ, едва—ли заслуживаетъ одобренія. Цѣлесообразнѣе подчинить синодальное страховое управленіе строгому контролю духовенства и мірянъ, а доходы, пріобрѣтаемые имъ, употреблять на поддержку церковныхъ учрежденій въ разныхъ епархіяхъ, соотвѣтственно заявленнымъ нуждамъ. Такой организаціей дѣла можно избѣгнуть насажденія въ каждой епархіи большого штата оплачиваемыхъ чиновниковъ мѣстныхъ управленій и можно достигнуть строгаго контроля церковныхъ средствъ, что необходимо, какъ показали нѣкоторыя недавнія исторіи.

Епархіальный банкъ въ Кишиневѣ. Въ Бессарабіи открылся епархіальный банкъ. Скорѣе всего—это епархіальная ссудосберегательная касса. Ея цѣль: 1) пріемъ вкладовъ и 2) выдача ссудъ за %. Изъ прибылей предполагается выдавать пособія (безвозвратныя) для членовъ—духовенства, служащихъ въ церковныхъ учрежденіяхъ, церквей, монастырей, отдѣльныхъ приходовъ и т. д. Въ Орловской епархіи возникла также идея о банкѣ, но уже банкѣ настоящемъ, съ капиталомъ около 2 мил. рублей. Капиталъ этотъ думаютъ достать изъ эмеритуры, отъ попечительства о бѣдныхъ дух. званія и изъ свѣчного завода. Можно, однако, съ увѣренностью утверждать, что епархіи не справятся съ настоящимъ банкомъ и потому рискуютъ потерять всѣ капиталы; болѣе

осуществимо епархіальное кредитное товарищество духовенства. Объ этой идеѣ слѣдовало бы подумать духовенству.

Турецкіе порядки въ Россіи. Не такъ давно, когда Царицынымъ „владѣли“ большевики, было издано ими распоряженіе: прекратить звонъ къ утреннимъ богослуженіямъ въ праздники: онъ мѣшаетъ ораторамъ на утреннихъ митингахъ. Звонъ былъ прекращенъ, а звонари „снимались“...

Редакціонный Комитетъ:

Предсѣдатель *Прот. М. Архангельскій.*

Члены: *Прот. А. Пульхритудовъ.*

Издатель--Пензенская епархія.

В. Масловскій.
А. Хвощевъ.
А. Бѣляевъ.
Е. Степановъ.

Пензенская Епархіальная Типографія въ домѣ Соломонова.